

Леонид Рейзер
Михаил Смирнов

Планида

СЕРГЕЯ
КАПУСТИНА

Леонид Рейзер
Планида Сергея Капустина

«Спорт»

2020

ББК 47.21

Рейзер Л. Ю.

Планида Сергея Капустина / Л. Ю. Рейзер — «Спорт», 2020

ISBN 978-5-907225-24-4

«Самый недооцененный хоккеист»... Это о талантливом, рано ушедшем из жизни хоккеисте Сергее Капустине, начавшем свою карьеру в ухтинском «Нефтянике», игравшем в «Крыльях Советов», «Спартаке», ЦСКА и сборной СССР, олимпийском чемпионе, семикратном чемпионе мира и Европы. В 1983 году по итогам аналитического исследования всех участников чемпионата мира с использованием только-только появившихся компьютерных технологий Сергей Капустин был признан «идеальным хоккеистом», однако на родине заслуженной славы так и не получил, нередко оставаясь в тени. Причины подобной несправедливости подробно рассматриваются в предлагаемой читателю книге. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

ББК 47.21

ISBN 978-5-907225-24-4

© Рейзер Л. Ю., 2020
© Спорт, 2020

Содержание

Предисловие	6
Жемчужина Севера	9
Супер-1. Суперзвезда	10
Супер-2. Скромняга	13
Активированные дни	18
Нефтяник Капустин	30
Супер-3. Один в один	38
Крылья Капустина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Леонид Рейзер, Михаил Смирнов

Планида Сергея Капустина

© Рейзер Л.Ю., Смирнов М.Е., 2020

© Издательство «Спорт», издание, оформление, 2020

* * *

Говорим «Капустин» – подразумеваем «Ухта»; говорим «Ухта» – подразумеваем «Капустин».

Сергей Алексеевич Капустин прославил Ухту на весь Советский Союз и на всю хоккейную географию планеты Земля. Отблагодарил тем самым родной край за настоящую русскую зиму, за крепкий морозец и натуральный лед, за хоккейное раздолье в детстве и юношестве.

Плоть от плоти северянин. Настоящий мужик из нефтегазового края. Открытый и немногословный; смелый в опасности и нежный с близкими; пашущий без устали в своем ремесле и хлебосольно принимающий гостей; донельзя доверчивый и не прячущийся за чужими спинами; имеющий на все свое суждение и не робеющий его высказывать, невзирая на лица.

Вырос на ухтинской ледовой вольнице, не касаясь льда искусственного. Таким и вырос – натуральным, без прикрас и наворотов. Зрелой порой стал сильным человеком, но и незащищенным от вредных примесей в атмосфере, которые тучами носились по России в 90-е.

Его считали звездой, а на самом деле Капустин являлся суперзвездой.

Капустин выдерживал сравнения с лучшими из лучших. Находился в одном ряду с кумирами СССР 70–80-х годов: Валерием Харламовым, Александром Мальцевым и Александром Якушевым, Владимиром Крутовым и Сергеем Макаровым. А на каком именно месте в этом ряду находился Капустин, читатель определит сам по прочтении последней страницы книги.

Сергей Капустин всегда был на виду, благодаря своему самобытному хоккейному почерку и... оставался немного в тени из-за природной скромности. И поэтому недополучал славы и почестей.

Капустин обладал фамильным стилем. Капустинская обводка! Размашистая и удалая – как русская душа – она так и осталась непревзойденной. Умел все. Непреодолимых хоккейных преград для него не существовало. На льду творил чудеса, а вне арены от него исходило добро и только добро.

Красавец мужчина, он выделялся всегда и везде, совсем к этому не стремясь.

Сергей Капустин ушел в сорок два года. Как Владимир Высоцкий. Ушел, так и не сумев пережить семейную трагедию. Ушел незаметно, будто и не являлся суперзвездой. Ушел, так и не приняв те нравы и порядки, которые царили в 90-е.

Его уж не вернуть.

Но давайте попытаемся хотя бы воздать должное Сергею Алексеевичу Капустину – отчасти книгой «Планида Сергея Капустина».

Попробуем вместе с вами, читатель!

Предисловие

Любой город гордится своими героями. Сергей Капустин был героической фигурой в масштабах всего Советского Союза. Им гордилась целая страна, в которой хоккей по праву считался спортом номер один. Что уж говорить о маленькой Ухте...

Правда, в этой языковой формуле – «что уж говорить» – чувствуется некая снисходительность. Между тем именно Ухта, город со сотысячным населением, подарила миру великого хоккеиста – как многие другие небольшие города подарили миру великих спортсменов, ученых, писателей, актеров. Столицы собирают и развивают таланты, а истоки этих талантов – по большей части в самых разных городах и весях.

Не всегда гордость за своего героя органична образу города, где тот родился: ученые необязательно появляются на свет в наукоградах, писатели – в местах с богатыми литературными традициями. С Ухтой дело обстоит иначе: молодой северный город был немислим без хоккея.

Начало было положено в далеких пятидесятых. Тогда в Ухте – ей как городу было чуть больше десяти лет – стали регулярно проходить матчи с участием добровольного спортивного общества «Нефтяник» и команд разных предприятий. А в шестидесятых-семидесятых хоккей для ухтинцев без всякого преувеличения стал культовым видом спорта. Когда играла первая в городе настоящая хоккейная команда, созданная профессиональным тренером Владимиром Целищевым, на трибунах был аншлаг. Стадион «Нефтяник» собирал болельщиков в любую погоду, в мороз и метель. Победу ухтинских хоккеистов в чемпионате республики и выход в розыгрыш первенства СССР в классе «Б» праздновал весь город.

Об этом времени в книге «Команды молодости нашей», посвященной истории ухтинского хоккея, вспоминает один из ее авторов, геолог, профессор Ухтинского государственного технического университета Анатолий Плякин: «Недостатка патриотизма у людей нашей страны в те далекие теперь уже годы не было. Взять хотя бы состав команды: игроки были нашими, своими, ухтинскими. Страсти к переманиванию или покупке игроков из-за пределов республики или даже Ухты ни спортивные, ни партийные, ни административные руководители города тогда не испытывали. Поэтому своих хоккеистов мы хорошо знали, ценили, и стадион во время сражений был забит болельщиками до отказа. Имена хоккеистов были у нас на слуху... Говоря современным языком, мы все были фанатами своей хоккейной команды, заслужившей право выступать в первенстве страны».

Готов подписаться под каждым словом.

В Ухте продолжают помнить и чтить имена любимых хоккеистов: Владимира Целищева – играющего тренера легендарной команды «Нефтяник»; Евгения Мишакова, благодаря которому в Ухте ежегодно проводится республиканский хоккейный турнир памяти его отца – заслуженного нефтяника СССР Владимира Мишакова; Игоря Капустина – мастера спорта международного класса; Александра Семенова – тренера, всю жизнь посвятившего развитию хоккея, участника первенств СССР и России среди команд мастеров, одного из первых обладателей звания «Почетный тренер Республики Коми»; Николая Лю – вратаря, а затем тренера «Нефтяника», одного из главных пропагандистов и продолжателей традиций ухтинского хоккея, тренера студенческой хоккейной команды «Буревестник», главного тренера хоккейного клуба «Технолог» и создателя первой в республике женской хоккейной команды. И, конечно, как талисманом города дорожат ухтинцы именем своего кумира – Сергея Капустина, игрока сборной СССР, четырехкратного чемпиона Советского Союза, семикратного чемпиона мира, чемпиона Олимпийских игр.

Север, Ухта, хоккей – понятия неразделимые. Рождение хоккейных мастеров в нашем городе было явлением закономерным – пока руководство города и республики проявляло заин-

тересованность в развитии хоккея с шайбой. Детство и юность Сергея Капустина пришлось именно на это время. Он был плоть от плоти ухтинского хоккея, и характер у него был такой же, как у нашего северного города. Смелость, выносливость, нестандартное мышление, самоотверженность, честность, скромность, человечность – это не только от родителей, от семьи. Это от наших хоккейных площадок, от дворовых мальчишеских команд, от первых тренеров, от самого Севера. И потому назвать Сергея Капустина героем Ухты недостаточно. Он воплощал в себе лучшее и главное в жизни ухтинцев – и потому стал легендой, иконой, «частью их генетического кода», по меткому выражению одного журналиста.

Хоккейная карьера Сергея началась в команде «Нефтяник», куда он пришел шестнадцатилетним мальчишкой в 1969 году. Все, кто знал будущую спортивную звезду, уже тогда отмечали его самобытный талант, потрясающую работоспособность и скромность в повседневной жизни. Любимцем ухтинских болельщиков Сергей – игрок изобретательный, умеющий принимать нестандартные решения, – стал сразу и остался им навсегда. Буквально за один год он вырос из мальчишки, гонявшего шайбу на дворовых площадках, в настоящего мастера. Уже в 1971-м Сергей был приглашен в московскую команду «Крылья Советов», откуда продолжил путь к вершинам советского и мирового спорта. А здесь, на родине, в маленьком северном городе, неизменно следили за его успехами, от души радовались его победам. И неожиданный, безвременный уход Сергея из жизни отозвался острой болью в сердцах не только его родных и друзей, но и всех жителей Ухты.

В нашем городе установлены две мемориальные доски Сергею Капустину: на стене дома, в котором он жил, и на фасаде школы № 2, в которой он учился. Созданный в Ухте клуб ветеранов хоккея уже много лет носит имя Сергея Капустина и достойно представляет его на республиканских, российских и международных хоккейных аренах. Его имя получил и ледовый дворец, открытый в Ухте в 2013 году. Славные хоккейные традиции, которые культивируются в нашем городе, послужили самым веским аргументом, убедившим ответственных лиц в необходимости строительства ледовой арены в Ухте. И роль Сергея Капустина в формировании этих традиций огромна: он был и остается генератором хоккейного вдохновения для всех жителей нашего города, но прежде всего для молодежи, центром притяжения которой служит Ухтинский государственный технический университет. И пусть сам Сергей не учился в нашем вузе, но отношения с ним у великого хоккеиста сложились самые крепкие – семейные. Его супруга, Татьяна Дмитриева, была студенткой первого выпуска и первой красавицей университета – тогда еще Ухтинского индустриального института.

Хоккейное вдохновение, связанное с именем Сергея Капустина, позволяет нам осуществлять самые смелые замыслы – такие, например, как создание на базе УГТУ женского хоккейного клуба; ныне клуб находится в Санкт-Петербурге, за что выражаю большую признательность ректору Горного университета – горному инженеру, доктору технических наук, профессору Владимиру Стефановичу Литвиненко. Это вдохновение позволяет нам приглашать знаменитых хоккеистов, которые с удовольствием приезжают в наш город и университет: гостями Ухты были канадский бомбардир Фил Эспозито, звезды советского и российского спорта Владимир Петров, Борис Михайлов, Владимир Мышкин, Геннадий Цыганков, Андрей Николишин, Александр Ждан, Владимир Цыплаков, Игорь Тузик. Это вдохновение позволяет нам верить, что у ухтинского хоккея есть не только прошлое, но и будущее.

Любой город гордится своими героями. Гордость питается памятью. Книга о великом ухтинце Сергее Капустине, которую написали замечательные спортивные журналисты Леонид Рейзер и Михаил Смирнов, – это и дань благодарной памяти, и продолжение миссии легендарного хоккеиста. Я сердечно благодарю авторов книги. Я сердечно благодарю за содействие в ее издании Игоря Николаевича Кацала, директора департамента учета и планирования грузопотоков трубопроводной компании «Транснефть», и Рустэма Рильевича Исламова, генерального

директора АО «Транснефть-Север». Верю, что книга послужит пробуждению нашего «генетического кода» и новому взлету ухтинского хоккея.

***Н.Д. Цхадая**, горный инженер, доктор технических наук, профессор,
президент Ухтинского государственного технического университета*

Жемчужина Севера

Герб Ухты весьма информативен: белая ель воспевает развитие лесной промышленности, буровая вышка напоминает о давней истории местной нефте- и газодобычи, раскрытая книга, мастеров и традиционные узоры символизируют образование, стройиндустрию и народные промыслы. Но одной важной детали все же не хватает – надо срочно добавить клюшку и шайбу. Коми в целом и Ухта в частности дали стране немало классных хоккеистов. Лидером же среди них, без сомнения, остается Сергей Капустин – настоящая «Жемчужина Севера», как еще называют и его родной город.

Не было бы черного золота – не было бы Ухты, не было бы ухтинского хоккея. Причем связь между ними порой приобретает мистические смыслы. Об этом невольно задумываешься, когда слушаешь увлекательнейший рассказ ректора УГТУ, страстного любителя хоккея и беззаветного патриота родного края Николая Цхадая об истории обнаружения и разработки нефти в Ухте и о том, что Сергей Капустин родился в Ухте ровно через двести лет после смерти ее первого нефтедобытчика Федора Прядунова...

Болельщик со стажем при упоминании Сергея Капустина улыбнется и примется рассказывать каждый свою, но обязательно трогательную и проникновенную историю про этого хоккейного витязя, богатыря с русского Севера, в жизни воплотившего сюжеты многих наших сказок о чудесном превращении простого паренька из глубинки в любимца и кумира миллионов, но сохранившего при этом простоту, неброскость, естественность манер и доброжелательность. Начиная работать над книгой об ухтинском самородке, авторы достаточно неожиданно для самих себя столкнулись с дефицитом информационных первоисточников, хотя, казалось бы, Капустин, или «Кэпэс», как иногда звали его друзья по уличным баталиям, творил совсем недавно и ушел от нас сорокадвухлетним уже в новейшее российское время. Все очень просто – Сергей настолько не любил рассказывать о себе, что интервью с ним можно пересчитать по пальцам. А ведь рассказать ему было о чем!

Вот эту книгу мы и просим вас, читатель, рассматривать как продолжение оборвавшегося диалога с Сергеем, который ведут его родные, близкие, друзья по жизни и по хоккею, наставники и земляки.

Отдельное спасибо ректору Ухтинского государственного технического университета Николаю Денисовичу Цхадая, эмоционально и материально поддержавшему нашу идею таким образом отдать дань уважения Сергею, чье имя носит теперь построенный в Ухте современный уютный, гостеприимный, как и вся земля Коми, ледовый дворец спорта.

Одному из авторов книги посчастливилось присутствовать на организованном в этом дворце празднике первого официального матча местной женской команды. Мы прилетели в Ухту в компании прославленных хоккеистов – незабвенного, безвременно ушедшего от нас Владимира Петрова и, слава богу, здравствующих Владимира Мышкина и Фила Эспозито. Навсегда останутся в памяти переполненные трибуны, радостные лица, горящие глаза, восторженные рассказы – все это сопровождало Сергея Капустина на протяжении его яркой карьеры. Все участники создания этой книги хотели, чтобы капустинское «северное сияние», этот праздник жизни и хоккея, был всегда с нами!

Супер-1. Суперзвезда

Слово, встречающееся едва ли не в каждой второй публикации на тему большого спорта. Слово, похожее на штамп.

Слово, которое приелось до невозможности и без которого в большом спорте... никак не обойтись.

Звезда... Восходящая (пишется с надеждой) – сверкающая (в настоящее время) – угасающая (признается с горечью).

Ну как, скажите на милость, обойтись без указания высшего рейтинга хоккеиста либо футболиста, теннисиста либо стреляющего лыжника, прыгуна в высоту либо все умеющего пятиборца... Никак не обойтись. И никогда не надоест это смачное словечко, ибо звезды украшают наш мир в любой сфере.

Звезды на небосводе никого не удивляют – зато футбольная или хоккейная звезда сводит нас с ума. Отчего такое происходит? Космос завораживает, но космос далек на какие-то невообразимые световые годы, а тут по нашей грешной планете Земля ходит атлет, который в детстве был как мы, в юности уже выделялся, а в расцвете сил и дарования превратился в звезду, которую обожают миллионы.

Являлся ли герой нашей книги звездой?

Бесспорно!

Так отчего ж данный несомненный факт не стал общеизвестным? Общепринятым не стал?

Спросишь компетентного гражданина: «Сергей Капустин – звезда?» И услышишь скорый утвердительный ответ: «Да. Звезда. Без вопросов».

А попросишь, к примеру, того же самого гражданина назвать звездных форвардов советского хоккея – и получишь Сергея Капустина отнюдь не в первых рядах. Хорошо, если в конце первой десятки упомянут. То ли загадочное забвение... То ли память почему-то подводит...

В этом феномене Сергея Алексеевича Капустина мы и будем разбираться с первой страницы до последней.

Звездный небосвод в хоккее в России обширней и ярче, чем в любом ином игровом виде спорта. Футбол? Ну куда там, несерьезно сопоставлять. Баскетбол? У нашего флагамена, у ЦСКА, в стартовом составе ни одного игрока с фамилией на «ов» уже давным-давно нет. Ну и далее в том же роде с переменным успехом или неуспехом – кому как угодно будет.

«Россия – щедрая душа». Этот слоган запомнился многим.

Россия воистину щедра на ледовых рыцарей, которыми вольна гордиться и восхищаться.

Гордилась ли Россия Сергеем Капустиным? Гордилась. Восхищалась ли этим уроженцем Ухты? Восхищалась. Но и гордилась, и восхищалась как-то без придыхания, естественно возникающего при нашем взгляде на звезд.

Иное дело – Фирсов с Александровым и Рагулиным! Майоров со Старшиновым! Харламов с Михайловым и Петровым! Третьяк! Мальцев! Якушев! Васильев! Фетисов с Крутовым и Макаровым!..

Кто осмелится поставить в этот ряд Капустина, обструкции не подвергнется. Однако ж редко такой «смельчак» найдется. Ну что же за чертовщина такая возникала вокруг Сергея Алексеевича?!

Наблюдалось нечто подобное с кем-нибудь еще? Пожалуй, что и нет. Один такой – Сергей Капустин! Никого рядом.

Воспитанник ухтинского хоккея, хоккея северного – открытого пронизывавшим ветрам и колючим, под минус сорок морозам, старший сын Алексея Ивановича и Анны Максимовны Капустиных был плоть от плоти русским мужиком северного покроя. Степенный и скромный,

доброжелательный и открытый, напрочь лишенный рисовки и выпендрежа, не думающий о том, как он выглядит со стороны. Натура русского мужика родом с «Северов».

«Я такой, какой есть!»

Иным не буду и не стану ни при каких обстоятельствах. Под них, под обстоятельства, подлаживаться не собираюсь.

«Я такой, каким выпустили меня на свет божий мать с отцом!»

Люди толковые, совестливые, работающие. Не давившие советами, указаниями и излишней заботой.

«Я такой, каким вырос в северных широтах среди такого же, как родители, трудового люда, делавшего свое дело на совесть и никогда ни на что не жаловавшегося!»

И на хоккейной вахте ухтинец Сергей Капустин был ровно таким же, как его земляки.

Ему с избытком хватало сил и дарования, чтобы блистательно – звездно! – выглядеть на ледовом овале. Но он как-то не утруждал себя подобными заботами и хлопотами.

Партнеры по звену и защитники, выходившие вместе с ним; товарищи по родной команде и ее наставники; верные болельщики. Вот о них обо всех заботился, хотел порадовать и, не дай бог, не разочаровать, не подвести. И чтоб мать с отцом не огорчить. И чтоб земляки из Ухты могли гордиться им – «Во наш Серега вчера игру-то выдал на загляденье! Всех за пояс заткнул!»

Сам-то форвард и не помышлял о том, чтобы кого-нибудь превзойти в яркости и эффективности, выделившись на общем фоне.

Это-то, скорее всего, и порождало особое, ни на кого не похожее свечение звезды Сергея Капустина: яркое, но не ослепляющее; ровное такое свечение – напоминающее, быть может, северное сияние, которое было ему ведомо с самого рождения и освещало его путь целых восемнадцать годков вплоть до переезда из Ухты в Москву.

Титулованность, количество и масштаб наград напрямую влияют на попадание игрока в звездную категорию. Логично, ведь золотая медаль свидетельствует о победе и о его участии в командном триумфе. Так и хочется сказать – мол, здесь ничего не убавить и не добавить. Ан нет...

Павел Буре причислен был к звездам в самой НХЛ, а со званиями совсем скудно вышло. На чаше Кубка Стэнли его фамилия не выгравирована; чемпионом мира единожды стал. Однако всемирная слава «Русской ракеты» от всего от этого едва ли померкла.

Иная иллюстрация. Трехкратных олимпийских чемпионов по хоккею на наших просторах всего-то шесть человек: Третьяк, Рагулин, Фирсов, Давыдов, Кузькин, Хомутов. При всем уважении к Андрею Викторовичу Хомутову он сравнения с Сергеем Алексеевичем Капустиным не выдерживает.

А Капустин в буквальном смысле на Олимпе побывал только разочек. В 76-м. В австрийском Инсбруке.

А в 80-м не полетел в американский Лейк-Плэсид из-за травмы. (Не оказался причастным к самому крупному фиаско в истории отечественного хоккея.)

И в 84-м в югославское Сараево не попал опять из-за травмы, будучи «железобетонно» в составе.

Зато Капустин – семикратный чемпион мира. Зато Капустин, когда обходился без повреждений, неизменно призывался под знамена сборной Советского Союза.

Вообще-то, если быть объективным, в годы капустинской карьеры хоккейный турнир на Олимпиадах был вполне близок по накалу к турниру мирового первенства: разве что под сенью пяти колец собирались в самый разгар сезона; ну и мотивация у конкурентов была повыше.

Были, ну были те, кто превосходил Сергея Алексеевича по титулам, но безнадежно уступал ему в звездности. Нет, не так. Звездами по строгому хоккейному счету они не являлись. В отличие от Капустина. Неординарным форвардом был Александр Кожевников – забивной!

с обводкой! – дважды видел на своей груди золотую медаль олимпийской чеканки, но к звездам, насколько помним, его не причисляли.

«Дело ясное, что дело темное». Такая шутовская присказка бытовала в пору нашего детства.

Феномен Сергея Капустина – его особенная звездность – потребует от авторов книги дотошности, скрупулезности, расспросов хоккейных людей – и, прежде всего, тех, кто находился рядом с ним на льду; наконец, понадобится нам все это хорошенько обмозговать.

Никуда мы не торопимся. У нас с вами, читатель, целая книга впереди.

Задачу поставили перед собой необычную и сложную, но посильную и, не побоимся пафоса, благородную.

Ибо Сергей Алексеевич Капустин должен занять то высочайшее место в галерее славы отечественного хоккея, какое заслужил по праву. Какое не успел получить при жизни своей, оборвавшейся на сорок третьем своем витке. В 95-м...

Уж лучше поздно, чем никогда... Воистину так.

Кто знает – а вдруг свезет, и редкой звездности игрок Сергей Алексеевич прознает про наши изыскания его величия. Оттуда прознает – откуда-то сверху...

До землян-то мы определенно достучимся.

* * *

Виктор Шалимов, олимпийский чемпион, трехкратный чемпион мира, чемпион СССР; выступал в «Спартаке» и сборной СССР в тройке с Сергеем Капустиным и Сергеем Шепелевым:

«Я считаю, Сергей Капустин – и звезда, и суперзвезда.

Смотря какой смысл мы вкладываем в эти понятия...

Убежден в этом абсолютно – в самом высоком уровне Капустина.

Сочетание мощи, катания, понимания игры, технической оснащенности – невероятное!

Сергей Капустин в числе наших самых знаменитых звезд 70–80-х. Беру годы его карьеры. Для меня Сергей никому не уступает из нападающих. И с Валерием Харламовым можно рядом поставить. И с Александром Мальцевым. И с Александром Якушевым. И с Владимиром Крутовым. И с Сергеем Макаровым...»

Владимир Крикунов, заслуженный тренер России, заслуженный тренер Белоруссии; мастер спорта международного класса:

«Кого бы я взял в собственную «команду мечты» – dream team – на место левого крайнего нападающего? Если мы про 70–80-е годы говорим... Как раз когда я сам играл...

Затрудняюсь ответить четко.

Ну, первым делом позвал бы Харламова. Валера – без вопросов. Даже объяснять не хочется.

А вторым предпочел бы Капустина или Крутова.

Лично мне как защитнику трудней пришлось бы против Володи Крутова: уж как он пер вдоволь борта – ну маленький танк! Сам-то я росточка невеликого и потому больше любил играть против рослых форвардов. И, наверное, против Капустина чуть полегче мне бы пришлось, чем против Крутова.

Кстати, я же застал Сергея Капустина в «Крыльях», где ненадолго задержался. Хорошо помню, как мы где-то в заграничной поездке вместе с ним ходили по магазинам и старались не прогадать с покупкой подарков для родных».

Супер-2. Скромняга

Карьера Сергея Капустина необычна и не вполне укладывается в общепринятые в советские времена рамки.

Игроки, пробиваясь в «основу» родного клуба, оставались там пожизненно – столько лет, сколько отводила им судьба. Мастеровитые хоккеисты редко покидали отчий дом. От добра не искали добра. Да и не принято такое было. А деньги, заработок для семьи? «Суммы прописью» в зарплатных ведомостях различались в разных клубах, однако не настолько, чтобы застилать глаза. Да и, повторимся, как-то не принято было гоняться за чуть более длинным рублем. Сергей Капустин относился к тем, кто не был склонен менять привычный жизненный уклад. Что в спорте, что в личной жизни.

Для него родным наряду с «Нефтяником» из города, где родился и вырос, стал клуб из столичного рабочего района – Сетуни. «Крылья Советов»! Звучно, эффектно, привлекательно. Необычно звучало на фоне бесчисленных СКА и «Динамо», раскиданных по всей стране. Воспитанник ухтинского хоккея появился на большой орбите в клубе, относившемся к авиационной промышленности. Спортивная орбита и авиапром – это было созвучно.

Попадание в команду «Крылья Советов», да еще возглавляемую Борисом Павловичем Кулагиным, явилось крупной удачей для даровитого парня из республики Коми. Об этом – целая глава в книге. Но, видимо, ничего не бывает в жизни сплошь белым либо сплошь черным... Во всяком случае, капустинская карьера тому явилась наглядной иллюстрацией.

Особенность сетуньского клуба, кроме всех прочих, заключалась в том, что он был умеренно популярен. Весьма умеренно. По длительности истории, по богатству традиций, по выпестованным мастерам «Крылышки» были сопоставимы с московскими грандами-земляками – ЦСКА и «Спартаком», с «Динамо». Увы, начисто уступали им по популярности в народе. Словно сама география вмешивалась в болельщицкие пристрастия. Армейцы и динамовцы базировались на Ленинградском проспекте, почти в центре; спартаковцы уютно устроились в излюбленном парке горожан «Сокольники», а крыльевцы пребывали на отшибе – на рабочей окраине мегаполиса, куда добраться-то можно было на электричке от Белорусского вокзала, выйдя на восьмой остановке «Рабочий поселок» или девятой «Сетунь», от которой до кольцевой дороги было рукой подать.

«Деревней» называли Сетунь – настолько удалена от центра столицы Советского Союза и настолько уединенна она была.

Популярность клуба – категория такая, что сколько ее ни изучай, до доньшка не докопаться. Московский клуб Сергея Капустина имел невеликое войско поклонников, зато состояло оно из очень-очень преданных мужчин. И ради них пластаться на льду было делом естественным. И наверняка для скромного новобранца из северного нефтегазового края это являлось нормой. Да и впоследствии блистательный форвард меньше всего помышлял о личной славе, которая напрямую связана с популярностью команды, цвета которой защищаешь.

В первой половине 70-х, при Кулагине, хоккейная Сетунь пережила небывалый взлет, покорив второй в своей длиннющей истории всесоюзный Олимп. Чемпионский состав пестрел выдающимися именами; достаточно упомянуть, что добрая половина сборной СССР состояла на тот момент из «деревенских». Давайте взглянем в них пристальней: Юрий Лебедев и Вячеслав Анисин, Александр Сидельников и Александр Бодунов, Юрий Шаталов и Виктор Кузнецов, Сергей Капустин и Владимир Репнев, Юрий Тюрин. Были ли они известны на всю страну? Факт. А вот были ли они настолько популярны, как армеец Валерий Харламов и динамовец Александр Мальцев, армеец Владимир Петров (кстати, воспитанник «Крыльев»!) и спартаковец Александр Якушев, динамовец Валерий Васильев, спартаковцы Владимир Шадрин и Евгений Зимин, армеец Борис Михайлов?

Крыльевские мастера, не уступая пяди льда, уступали в народной приязни. И с этим ничего нельзя было поделать. Даже попадание в национальную сборную, даже возвращение на родину с золотой медалью на шее в 1974 и 1975 годах не поколебали этой чертовски несправедливой зависимости Сергея Капустина, имевшего все признаки звездного мастера, от умеренно популярных «Крылышек». Им симпатизировали не только жители западной окраины Москвы; среди трудящихся авиапрома в столице и в регионах находились, конечно же, неровно дышавшие к своей профсоюзной команде. Однако кардинально это ничего не меняло.

После ухода Бориса Павловича Кулагина из Сетуни и закономерно последовавшего снижения амбиций его детища на какое-либо мало-мальски повышение симпатий к себе Капустин рассчитывать не мог. Зная его натуру, легко допустить, что сие не волновало блистательного форварда, настроение не портило и бытие не омрачало вовсе.

Мы же восстанавливаем этапы карьеры выдающегося хоккеиста, стремясь восстановить справедливость. И оттого крыльевский период его карьеры, который рассматриваем с точки зрения личной славы, подтверждает непреложный факт – с момента выхода на большую орбиту Капустин недополучал всеобщей любви. Вот уважением пользовался повсеместно.

Наступил 1977 год.

После двух сезонов в «Нефтянике» из Ухты и шести сезонов в «Крыльях Советов» левый крайний нападающий Сергей Капустин не по своей воле очутился в ЦСКА. К тому времени за его широкими плечами было сенсационное чемпионство в составе заводской команды «Крылья Советов» и воспринимавшееся как должное двукратное чемпионство мировое, к тому же наконец Капустин стал олимпийским чемпионом, что гарантировало ему «ВИП-ложу» в истории советского спорта.

Звездный форвард, который по причинам, приведенным выше, недополучил изрядную порцию славы, попал в ряды флагмана советского хоккея – ЦСКА. Мог ли он рассчитывать на восполнение дефицита популярности в новом окружении? Мог ли, наконец, заполучить народное признание в свитере с армейской звездой на груди? Логично было предположить, что в ЦСКА – в ЦСКА!!! – звезда Сергея Капустина наконец-то, после шести лет ожидания его верных поклонников, особенно жителей Ухты, зажжется на всю мощь его таланта.

ЦСКА Виктора Тихонова побеждал практически во всех матчах. Легче было угадать 6 чисел из 49-и в «Спортлото», чем дожидаться осечки флагмана советского хоккея, базового клуба сборной, которой тоже руководил Виктор Тихонов, не делавший поблажек ни себе, ни спортсменам. Капустин регулярно покидал лед победителем. Ну а как же эмоциональные волны, исходившие с трибун? Попадал новоявленный армеец в фокус внимания зрителей?

Не попадал, однако. Да и никто на его месте не попал бы.

Потому что играл Валерий Харламов. ХАРЛАМОВ! Народный любимец.

Потому что играло звено Борис Михайлов – Владимир Петров – Валерий Харламов. Тройка на все времена!

Потому что любимцем может быть только один мастер в команде – и только одно звено может быть первым в команде.

Сергей Капустин в отдельных матчах превосходил Валерия Харламова.

Звено Хельмут Балдерис – Виктор Жлуктов – Сергей Капустин в отдельных матчах превосходило петровское трио.

Но сместить народного любимца и неудержимую тройку с фокуса внимания миллионов у Сергея и его партнеров Виктора и Хельмута не было ни единого шанса.

Таковы были реалии тогдашнего большого хоккея.

И что же на круг выходит? Пребывая в суперклубе, в базовом клубе национальной сборной, Сергей Капустин ни в коем случае не потерялся, и его хоккейное искусство ничуть не поблекло. И Харламов со товарищи приняли его уважительно и душевно. И клуб пользовался большой популярностью среди советского населения. И громил всех кого ни попадя. Однако

ж снова Сергей Алексеевич недополучил истинно народного признания. Нет, признавать-то признавали, но любви болельщицкой недополучил снова по не зависевшим от него обстоятельствам.

Три года в ЦСКА – вместо обговоренных с Виктором Васильевичем Тихоновым двух – не явились пиком славы Сергея Капустина. Хотя по возрасту, да и по всем объективным показателям это должно было стать зенитом его карьеры.

Однако зенит мог наступить в последующие несколько лет, поскольку арсенал грозного нападающего по-прежнему оставался наполненным доверху.

Наступил 1980 год.

Сергей Алексеевич воссоединился с Борисом Павловичем, с «отцом родным».

Кулагин принял московский «Спартак». И перед Капустиным, наотрез отказавшимся от лейтенантских звездочек, открылись просторы для долгожданной и заслуженной популярности в народе. «Народной командой» назывался «Спартак» и только «Спартак». Популярность клуба зашкаливала, превосходя славу ЦСКА и «Динамо» на несколько порядков.

Все предпосылки к обретению славы у нового спартаковского лидера имелись в достатке. Кулагин и «Спартак»! Ко всему прочему Борис Павлович создал трио на загляденье: Виктор Шалимов – Сергей Шепелев – Сергей Капустин.

Каждый – мастеровитый, склонный к комбинационной игре, да еще с элементами импровизации; каждый без изъянов в хоккейной выучке; каждый без чрезмерной склонности к солированию.

СУПЕРЗВЕНО!

На Кубке Канады в 81-м спартаковская тройка во главе с Сергеем Капустиным ничуть не уступала Сергею Макарову – Игорю Ларионову – Владимиру Крутову. Тем, кто вместе с Вячеславом Фетисовым и Алексеем Касатоновым будут в 80-е являться законодателями мод в мировом хоккее.

В финале этого супертурнира Канада – СССР спартаковское звено было неудержимо, Сергей Шепелев сделал хет-трик! Причем еще до того момента, когда наметился уничтожительный и сенсационный разгром родоначальников игры – 8:1.

В течение двух лет Капустин с Шалимовым и Шепелевым призывались под знамена сборной, и это воспринималось как само собой разумеющееся. И они сполна оправдывали ожидания. Так, в 82-м Виктор Шалимов признали лучшим нападающим мирового первенства – при наличии там идола Канады Уэйна Гретцки и нашей КЛМ!

И все же. Все же...

Даже в те годы и даже в спартаковской компании, даже при Борисе Кулагине и даже с такими замечательными партнерами, как Виктор Шалимов с Сергеем Шепелевым, блистательный мастер Сергей Капустин в кумира так и не превратился.

Том у видно несколько причин.

Кулагин очень-очень желал сделать «Спартак» чемпионом. Тем самым вторично после «Крыльев Советов» добиться триумфа с профсоюзной командой, что являлось практически нереальной задачей. Тем самым Борис Павлович поквитался бы, пусть и отчасти, с Тихоновым, который сменил его в сборной страны. Виктор Васильевич подобного не допустил, держа ЦСКА непрерывно в ежовых рукавицах: Вячеслав Фетисов шел после очередного выигрыша на поклон к «старшему», выпрашивая увольнительную для всей команды, – и это происходило при колоссальном отрыве в очках ЦСКА от «Спартака», «Динамо» и всех прочих. Если бы капитан «Спартака» Сергей Капустин вместе с Борисом Кулагиным сотворил сенсацию, то фактор «народной команды» мог бы изрядно добавить ему популярности.

По игре-то Сергей Алексеевич был в полном порядке: достаточно того, что в 84-м, еще до ухода из клуба Кулагина, Капустин являлся стопроцентным игроком олимпийской сборной за считанные дни до вылета в Сараево. В целом же, сугубо теоретически, прожитые годы «рабо-

тали» отчасти против него. Уж больно распространен тогда был пресловутый тридцатилетний рубеж, при наступлении которого даже классных мастеров иначе как ветеранами не величали – с плохо скрываемыми нотками пессимизма.

Снова и снова возвращаемся к фамильной особенности личностного стиля Капустина.

Это его выраженное стремление играть на партнеров, на звено, на команду – и поэтому крайне малая, до обидного незначительная доля солирующих партий в исполнении Капустина. Естественно, в спартаковский период карьеры эта личностная черта Сергея Алексеевича никоим образом не притуплялась.

И что мы наблюдаем в клубной карьере Капустина?

«Крылья Советов» – ЦСКА – «Спартак».

В каждой столичной команде обнаруживались препятствия к тому, чтобы Сергей Капустин достигал того масштаба популярности, которого, вне всяких сомнений, заслуживал.

Планида такая, значит, была у Сергея Алексеевича.

* * *

Владимир Крикунов:

«У Капустина не было такой славы, как у Харламова, Мальцева. Не знаю, с чем это связано. Может быть, он поскромнее был этих ребят, что ли. Он такой – отыграл, собрался и ушел. Если самореклама есть определенная, это и трибунам передается, а Серега такой тихий, спокойный, сделал дело и ушел без всяких там выкрутасов... Забросил шайбу и с улыбочкой покатил на скамейку. А нашим, да любым болельщикам же надо, чтоб шоу на хоккее устраивали. Конечно, в наше время этого не было. Но и тогда, если игроки устраивали «хороводы», на трибуны это дополнительно действовало. Болельщики после голевой атаки их команды радуются, а тут еще тот, кто отличился, их поджигает своими эмоциями, и получается определенная самореклама хоккеиста, что ли».

* * *

При всем при этом народ советский воспринимал Капустина очень уважительно и очень тепло. Как-то благодарно относился к нему.

Александр Чернега, многолетний друг Сергея Капустина; в спорте не работал:

«Мы с ним поехали в Горький, правда, по трагическому поводу – судья умер в Горьком, Миронов был такой, и Капустин посчитал своим долгом присутствовать на похоронах.

Как его встречали, как его люди уважали... Там же тройка была горьковская – Варнаков, Ковин, Скворцов. Вот встречавшие дают указание:

– Скворец, ты давай привози огненную, а ты, Сереж, приезжай, завтра стерлядку поедите с другом.

Серега просит:

– Возьмите нас с собой!

– Да нет, Сереж, мы на косу, порыбачим, а там постреливают... Не стоит рисковать.

Рыбининспекция или еще кто – так я и не понял...

Назавтра два ведра ухи из стерлядки волжской сварили. Я такой ухи больше нигде не ел! Сергей тоже наслаждался.

К Сереже вообще уважение было большое. Ладно хоккеисты, там все ясно; к нему уважительно относились обычные граждане. Капустин отличался скромностью, никогда не выпячивался, не говорил лишнего; люди это оценивали по достоинству, не каждая спортив-

ная звезда так держится. Ну и видно было, как восторгаются им и как хоккеистом. И так происходило везде, где мы вместе бывали».

* * *

Александр Чернега:

«Когда разрешили в стране заниматься бизнесом, мне приятель посоветовал в Белгород съездить: «Ребята, не хотите стоящее дело открыть? Первыми наладите выпуск туалетной бумаги». И мы в Белгороде открыли частное производство (в конце концов мы его и запороли, потому надо было там жить...) Мы приехали, все сделали, закупили и привезли станки. А где бумагу покупать? Ага – Сыктывкар. И я туда полетел. В отдел доставки зашел и стал узнавать, что как делать надо. Я говорю:

– Ребята, мне срочно бумагу в Белгород доставить нужно... Вообще-то у меня друг хороший – Сергей Капустин...

– Да ладно тебе про бумагу! Давай посидим по-человечески, ты лучше что-нибудь про Капустина расскажи...

Вот какое к нему было уважение в Коми. И я одним днем все успел сделать. Посидели с этим человеком из отдела доставки, по рюмочке выпили, дела вмиг порешали, вечером грузовик пошел на Белгород, а я полетел в Москву. И все – благодаря тому колоссальному уважению, которое было у людей к Сергею Капустину. И так везде было».

Вот как. Друг самого Капустина пожаловал к нам!

Кто знает, когда мы повстречаем Капустина, а тут человек, который дружит с ним накоротке. Грех не посидеть, потолковать с таким заказчиком.

Заказчика такого пропустим в первую очередь!..

Александр Чернега:

«В Крылатском тогда тишина была, никаких построек. Как у Сергея свободный день, мы туда заезжали к лесочку у Москвы-реки – шашлычок, вино сухое... Жена моя с его Серенькой маленьким земляничку собирает, а мы с мангалом возимся... Отдыхаем. Пошла трапеза. Ну и вино в ход пошло. Вообще Сергей любил шашлычок; у него в ходу фраза такая была: «Эх, сейчас бы люляшечек!»

И тут на тебе – ГА И заруливает. Вроде ничего хорошего не ждем. Гаишник берет права Серегини:

– Сергей Алексеевич, а вы выпивали сегодня?

– Да нет. Не выпивал.

– Ну вы ж Капустин?

– Он самый. А что?

– Сергей, да вы можете себе позволить. Не волнуйтесь. Отдыхайте! Честь имеем!

Где бы он ни был, его ценили, уважали. Ну, он действительно симпатичный был, приятный такой...»

Активированные дни

Публикации, посвященные звезде советского и мирового хоккея Сергею Капустину, появлялись крайне редко. И причины такого странного и несправедливого подхода прессы мы будем разбирать в отдельной главе... Пожалуй, единственная громко прозвучавшая статья вышла летом 1981 года в еженедельнике «Футбол – Хоккей», пятимиллионный тираж которого трудящиеся сметали с прилавков «Союзпечати» уже к девяти утра воскресного дня. Земляки-ухтинцы – те, кто ревностно следил за игрой Капустина и за тем, как она оценивалась в стране, подтвердили, что только ту публикацию и помнят хорошо.

Приводим выдержку оттуда.

Сергей Капустин:

«Детство прошло в Ухте, маленьком городе нефтяников и газовиков в Коми АССР. Край северного раздолья.

Нам и льда искусственного не требовалось. Заливали с октября по май. На коньки встал лет в семь, кажется, точно не помню. А вот что отчетливо помню, так это активированные дни. По радио объявляли, что в связи с сильными морозами учеба отменяется. И с раннего утра мы... гурьбой высыпали на улицу, гоняли шайбу допоздна.

После восьмилетки поступил в лесной техникум.

Наша городская команда вышла из класса «Б» в «А». Тренер ухтинской команды Анатолий Ковалевский был давний знакомый Кулагина, он-то и порекомендовал меня...

Кстати, Витя Жлуктов родом из Инты. Это всего в пятистах километрах от моего города. Так что по нашим российским масштабам выходит, он мой земляк».

(«Футбол – Хоккей», 28.06.81)

Публикация в еженедельнике, освещавшем два главных вида советского спорта, позволила мужскому населению бескрайней страны узнать о том, что Ухта славна не только добычей нефти и природного газа, но и природными хоккейными талантами, которые с особой теплотой вспоминают активированные дни, дарованные пацанятам опять-таки суровой природой русского Севера. В «Футболе – Хоккее», похоже, кроме Сергея Капустина никто другой из хоккейных звезд не упоминал выражение «активированные дни».

Из этого коротенького фрагмента беседы с прославленным двадцативосьмилетним Сергеем Капустиным становится сразу ясно, что он сызмальства жил в хоккейной стихии и бредил будущим, в котором находилось для него только одно призвание – хоккей.

Игорь младше брата на четыре года. Иного пути, как следовать за Сергеем, у него не оставалось. Гордиться братом, прислушиваться к брату, пробовать подражать брату – все эти естественные помыслы овладеют Игорем попозже, а в детстве он просто пошел след в след при погружении в ту же ледовую стихию.

Игорь Капустин:

«Кто на севере не жил, могут подумать, что активированные дни случались редко за зиму. Не знаю, как где, а в Ухте нам, пацанам, было грех жаловаться на этот счет. Крепкие морозы редкостью не считались, потому активированных дней за длинную зиму набиралось совсем не мало – дней по десять-пятнадцать, а то и поболее...

В такие дни мы спешили на стадион, в детский парк. Наспех одевались чуть теплее, да вообще этим не заморачивались – привычные же были к холоду. Ну а на крепком морозе подолгу находились, сначала занимались в секции, а потом сами гоняли – сколько раз обмороживали ноги, руки...»

В той давнишней публикации в еженедельнике «Футбол – Хоккей» Сергей Капустин поведал широкой публике о самых счастливых днях своего детства, которые назывались активированными. С утра до вечера хоккей с забегами домой что-нибудь перехватить на кухне, подкрепиться еще часика на три. У читателя наверняка создалось впечатление – ну случались пики холодов, такие редкие дни, когда отменяли занятия в школе. Однако по словам Капустина-младшего, активированных дней за длинную зиму набиралось довольно значительное количество, причем часто шли они чередой. Но три-четыре дня сплошного хоккея – это же по существу были неофициальные учебно-тренировочные сборы! Утром – игра и только игра, в которой Сережка Капустин искал и находил свои приемчики, помогавшие превосходить сверстников и выживать среди тех, кто был постарше на год, два, три. Ничего лучше тех самых активированных дней для будущего форварда мирового класса никакая передовая в те годы методика не могла придумать. Не придумали бы и сегодня наисовременнейшие технологии, разработанные в недрах кафедр хоккея высших учебных заведений. А после обеда – секция, где упражнениями, надо думать, особо не докучали; больше играли только под ненавязчивый аккомпанемент советов детского наставника.

А вот как отложились в памяти золотые для хоккейных мальчишек денечки у коренного ухтинца, часто видевшего на льду Капустина-старшего.

Александр Лубянецкий, ухтинец, выступал за «Нефтяник» (Ухта):

«У нас даже когда отменяли из-за морозов занятия в школе, тренировки не запрещали – в школу на уроки-то мы не ходили, а на занятия в секцию хоккейную с огромным удовольствием! Вот в такой морозный день в школе объявляли: «Внимание родителей и учащихся! Ввиду низкой температуры воздуха занятия с 1-го по 10-й класс отменяются». И тут мы с самого утра выходили прямо перед школой, между домами, играть в хоккей. Представьте, учителя идут на работу – им ведь положено, – а ученики в активированный день вот прямо под носом у педагогов возле школы играют в хоккей в валенках. А после обеда еще и в секцию шли заниматься. Сереге и в школе больше всего физкультура нравилась, другие предметы он, честно сказать, не жаловал».

Активированные дни – фирменный знак ухтинского хоккея!

Будто кто-то надумал оригинальный метод воспитания мальчишек, бредящих хоккеем. Хотите ни дня без игры и с днями без сидения за школьной партой – пожалуйста! Хотите гонять во дворе или в детском парке и потом еще идти в секцию – вперед и с песнями!

Это давало лишние часы, проведенные в ледовой стихии. Это давало возможность не расставаться с игрой. Это позволяло в будущем буквально породниться с хоккейной игрой. Все это и происходило с Сережкой Капустиным.

А главное – это закаляло характер. Крепкий, ядреный морозец выгонял любую дурь из головы – лень, слабование, бесцельность... Ухтинская зима делала Капустина-старшего с каждым зимним днем сильнее и телом, и духом, и, естественно, самой игрой.

Пожалуй, единственное, что настораживает: упоминание Лубянецким полного равнодушия Сергея к школьным предметам. Не считать же таковым физкультуру для того, кто днями напролет гоняет шайбу...

Игорь Капустин:

«Что в каком возрасте происходило, точно уже и не припомню. Начинали мы играть в валенках. Во дворах, в проездах, где лед накатывался сам собой. Потом двухполосные конечки родители покупали, и мы привязывали их к валенкам – это уже почти шиком считалось. Ну а после этого родители покупали «гаги» – пределом мечтаний считалось! Про «канады» даже не заговаривали...»

Кроме хоккея мы тоже находили для себя какие-нибудь игрища. То в снежки воюем, то с высоты второго этажа в сугроб прыгаем... Сейчас из дома никого не выгонишь, все с компьютерами в обнимку сидят, не отрываясь, а нас с Сергеем домой было не загнать. Мы с другими ребятами в спортивные секции готовыми приходили: ловкость, координация, смелость, закалка, выносливость... А сейчас – от компьютера еле-еле оторвут мальчишку и на шикарном авто везут на тренировку; да что там за час успеет, чему он научится?!»

Александр Лубянецкий:

«Во дворах у нас тогда хоккейных коробок не было – ставили два деревянных ящика из-под бутылок прямо на мостовой и гоняли в валенках по отполированной до льда поверхности!»

Любопытная подробность капустинского детства.

Шайбу гонял не в «коробке», а на улице в буквальном смысле этого слова. На мостовой. На любой проезжей части, которая на морозе после проезда любого авто полировалась, превращаясь в идеальную ледовую поверхность. Для «мелких» то, что надо. Ведь что означало для них шайбу гонять? Обводить! Обводить кого угодно и когда угодно. Так ежедневно шлифовался один из ключевых элементов хоккейного арсенала. В валенках поначалу гоняли. Конечки купить накладно было для семейного бюджета, и не торопились с этим. Тоже ничего страшного, те же приемы обводки потом воспроизводились на коньках довольно легко и быстро; конечно же, счастливики, одаренные «гагами» и тем более «канадами», обогащали собственный арсенал технических приемов при ежедневном катании на залитых «коробках».

«Мышка». Так прозвали Сережу во дворе: маленький, верткий и неутомный, оббегал любого и обводил, обводил, обводил. Ну а когда подрос, разумеется, это прозвище кануло в прошлое.

А младшего брата Игорька прозвали в ухтинском детстве «Пузан» – маленький и пухленький. А когда спустя годы очутился в Москве в «Крыльях Советов», Сергей машинально окликнул брата «Пузан»; крыльевцы тут же подхватили это, сократив до «Пузо». Ничего общего с действительностью это не имело. В бытность сильным нападающим Игорь Капустин числился среди самых маленьких в команде, но никакой упитанности и близко не было; даже сегодня ни грамма лишнего жира не имеет.

Любопытная подробность, которую сообщил Александр Лубянецкий, – отсутствие деревянных «коробок» во дворах.

Это уже тогда, когда во дворах Москвы и Ленинграда, волжских и урало-сибирских городов разгорались настоящие хоккейные страсти на настоящих площадках – естественно, уменьшенных размеров. А что же Ухта отставала? Видимо, не до того было нефтяникам и газовикам, их хозяйственникам, их начальникам. Носится детвора по мостовым, по которым машина раз в час проедет, ну и ладно. Был парк с настоящим катком; была секция, занимавшаяся на «коробке»; был, наконец, стадион – домашняя арена «Нефтяника».

На том, как продвигался Сережа Капустин в этом виде спорта, описанные подробности его хоккейного времяпрепровождения негативно не сказались. Скорее всего, только способствовали его росту.

О росте, кстати.

Несколько лет кряду он на уроках физкультуры становился ближе к концу шеренги. Зато за одно лето, по словам Игоря Капустина, вымахал аж на одиннадцать сантиметров! С теми, кто приближался к юношеству, подобное случалось. То ли это в седьмом классе случилось, то ли в восьмом. Не важно. А важно то, что превращение в рослого юного хоккеиста добавляло изрядную порцию баллов в актив Сережи Капустина, в его перспективы вырасти в грозного форварда... В тридцатилетнем советском левом крайнем нападающем Сергее Капустине зарубежные специалисты увидят «идеального хоккеиста», что, в частности, подразумевало оптимальные росто-весовые параметры.

* * *

Родители Капустина запечатлены на снимке, сделанном на улице Ухты, – красивая пара северян-тружеников в воскресный день либо в день праздничный. Снимок размещен в первой фототетради этой книги.

Родители подарили Сергею с Игорем жизнь. Вырастили сыновей порядочными людьми, которые подарили им внуков и внучек. А еще подарили родителям гордость за то, что прославляли фамилию: старший – на всю страну и на хоккейный мир, младший – в Союзе тоже был хорошо известен.

Игорь Капустин:

«Отец был начальником цеха КИП (контрольно-измерительных приборов) на ухтинской ТЭЦ. Пользовался уважением в городе, знали его. Мама работала в «Комиэнерго». Только должность не помню. Помню, что была ИТР, – инженерно-техническим работником трудилась, специальность имела.

Наша семья жила в хорошем кирпичном доме в трехкомнатной квартире. На первом этаже. Никаких металлических решеток, чтоб воры не забрались, не ставили; тогда это не принято было.

Отец – мягкий человек. Добрый. Разумный.

Мать тоже особо строгой к детям не была. Жизнерадостная. Энергичная.

Мать с отцом работали, имели квалификацию, были на хорошем счету. Мы с братом ни в чем не нуждались, были обуты, одеты, накормлены, но нас и не баловали. В доме было все необходимое, но без какого-то шика, выпендрежа обходились. Жили как и другие семьи в Ухте.

На то, чем нас мама потчевала, мы с братом и внимания не обращали. Досыта ели. Простая и здоровая горячая еда была в доме. Домой-то мы с Сергеем забежали, чтобы перехватить что-нибудь, подкрепиться, – и обратно на мороз в хоккей играть. Такой «бермудский треугольник» получался у нас с братом: школа – стадион – дом. Дома мы мало времени находились.

У нас с братом каких-то любимых блюд не было. Единственное – мать следила, чтобы мы разогревали то, что она сготовила. Чтобы горячее ели – полезнее и сытнее, здоровее, что ли. Между прочим, в нашем детстве в ухтинских гастрономах запросто лежала икра красная и икра черная; помню, у продавщиц такие горки икры на плоских подносах были; цены не кусались, доступно это было. Как, наверное, и по всей стране.

Мы с братом росли в спокойной и благоприятной атмосфере. Родители нас лишней раз не дергали и не надоедали с указаниями, советами и тем более запретами. Не наказывали – в общем-то, не за что было; но и не поощряли, не хвалили – тоже, в общем-то, особых поводов мы не давали.

Полдня в школе проводили, полдня – на катке. Школу ни брат, ни я не прогуливали. И вели себя там нормально, тихонями не были, но и дисциплину особо не нарушали. А зачем – себе дороже будет: мать с отцом грузить, огорчать. На родительские собрания кто-то из них ходил, наверное, чаще мама; но там братьев Капустиных не полоскали. Так, чтобы вызвали родителей за плохое поведение и плохую успеваемость, – нет, нет, такого не случалось.

Что Серега учился так себе, мягко говоря, ни отца, ни мать не смущало. Дома это вообще не затрагивалось: ну учится и учится... А по мне тем более вопросов не возникало, оценки приличные имел, «хорошистом» считался. Главное для наших родителей, как и для других, было – чтобы мы не болтались без дела на улице. А так они спокойны были за нас – мы либо в школе, либо на катке. Нигде не шляемся не пойми с кем...»

Александр Володин, близкий друг Сергея Капустина; воспитанник ухтинского хоккея:

«Знал я Серегиных родителей. Алексей Иванович. Хороший человек. Хороший и толковый мужчина. Анну Максимовну я поменьше знал, хотя моя мать ее «Анька» называла. Говорила: «Я хорошо Аньку знаю». Они то ли в один детский садик ходили, то ли в одной школе учились. Серегин отец такой серьезный, вдумчивый. Я любую профессию уважаю, но он не простым слесарем или токарем работал, а техническую специальность имел. Уважали его в городе. Алексей Иванович. Впечатление о нем осталось у меня очень хорошее, теплое такое. Мама, та попроще была, а отец какой-то основательный.

Сергея в отца пошел. Однозначно. Игорь – в мать. Однозначно. Анна Максимовна, она такая невысокая была, и «Пузо» тоже невысокий. А Сергей в отца – рассудительный такой, чуть вальяжный, и Алексей Иванович тоже таким был. Сергей – сто процентов папин сын».

Александр Лубянецкий:

«Вообще он был такой вот необычный, он у меня в памяти даже с детских тех времен остался – такой рассудительный. Он не был каким-то взрывным человеком, нет, он такой серьезный. С чувством собственного достоинства – это сразу видно было. Может, это вообще черта, свойственная северянам, – такие обстоятельные, вдумчивые... Никакой южной экспрессии».

Сергея Капустин жил на вольном хоккейном воздухе в городе-труженике; в городе, которому это зимнее зрелище дарило радость и отдых до или после нефтегазовых вахт.

Сергея Капустин рос хоккеистом и никем иным себя не видел. О запасных вариантах и не помышлял, не готовил себя к тому, что станет предпринимать, если не попадет в команду мастеров, в которой можно зарабатывать себе и близким на хлеб. Вообще с юношества не строил гигантских планов и не витал в облаках; просто жил хоккеем, проживая с удовольствием каждый день, ведь и дня не проводил без хоккея.

Александр Лубянецкий:

«Хоккей тогда был в таких городах, как наша Ухта, на первом месте. Хоккеисты всегда как пижоны ходили: спортивные шерстяные штанишки, эти ботиночки «прощай, молодость», войлочные, на молнии – хоккеист идет. И его знали. У людей телевизоров тогда не было, центральное телевидение в Ухте только в конце 60-х появилось, народ жил своей жизнью. Днем отработали, вечером вся Ухта шла на улицы, и все гуляли, посещали все спортивные мероприятия. Когда был хоккей, город был пустой практически, тишина, зато вся чаща стадионной хоккейной коробки была забита. Рядом дома стоят, из окошечка видно совсем близко эту коробочку, с крыши люди смотрели, с балконов. А на улице – минус тридцать-сорок градусов...»

Игорь Капустин:

«Наш отец считался в городе заядлым болельщиком. Хоккейным. Матчи «Нефтяника» вообще не пропускал. Свое место имел на стадионе! На первом ряду, кажется. Там у таких болельщиков, как отец, были закреплены места в первых рядах. Но никто же не сидел – в ухтинский-то мороз! Все стояли, одетые по максимуму тепло. Отец надевал куртку со штанами – специальные для летчиков, а на ноги – унты. При желании мог в Ухте все что угодно достать. Не протужался на хоккее, не болел после этого.

Болел за «Нефтяник» как-то спокойно, без перепадов в настроении – и когда команда выигрывала, и когда проигрывала. За успехами Сергея, за тем, как он все лучше и лучше играл, следил, конечно, но тоже обходился без похвал и назиданий. Та же история и с мной повторилась... Повторюсь: нас никто никуда за ручку не водил.

Как брат в 71-м переехал в Москву и попал в «Крылья Советов», отец старался не пропустить трансляцию их матчей по радио. Слушал внимательно и не отвлекался. Может быть, внутренне и гордился старшим сыном, но внешне этого не проявлял. Сохранял обычные для него спокойствие и выдержку. В те годы в Ухте не показывали спортивные телетрансляции, и вся надежда была на радио.

Когда мы с родителями в 75-м переехали в Москву, отца пригласили на работу – строился дворец для «Крыльев»... Домашние игры Серезины вообще не пропускал. Но когда он в ЦСКА, в «Спартаке» выступал, отец не ездил туда».

То, что Алексей Иванович слыл заядлым болельщиком «Нефтяника», напрямую не влияло на его старшего отрока, который сызмальства, еще не вполне осознавая, выбрал прямую линию, направленную только в одну сторону – в хоккей. Но, конечно же, отцовская любовь к суровой и увлекательной мужской зимней игре являлась благоприятным фоном для сознания Серезки Капустина.

Александр Лубянецкий:

«Родился я в Ухте в 1955 году. Жили мы в старой части города, там же, где семья Капустиных, по соседству. Учились с Сереем в одной школе № 2. Стадион «Нефтяник» стал нашим вторым домом родным. Занимались мы в ДЮСШ-1 при гороне, в детском парке. Я был в команде 1954–55 годов, Сергей – в группе 1952–53 годов, а его брат Игорь – в 1956–57.

Случалось, что Игорь с тремя возрастными группами занимался: потренировался, чуть передохнул – и уже с другими ребятами упражнения выполняет. Шустрый такой. Поведением отличался от старшего брата, тот поспокойней был.

Зимы в Ухте настоящие. И длинные. И каждый день у нас был хоккей. А летом вместе со старшим Капустиным в футбол играли, в баскетбол... Сереза вообще по жизни был игровик. И везде здорово смотрелся. Выделялся на общем фоне».

Капустинское поколение отличалось игровой культурой. В любом коллективном виде спорта были хороши. Одни получше, другие похуже, однако никто, что называется, из игры не выпадал. Не выпадал – ни по координации движений, ни, главное, по чтению игры. Капустин являлся тому ярким примером.

Александр Лубянецкий:

«У Серези, кстати, тяжелый характер был – в отличие от Игоря. Может, в чем-то это был плюс, что у него было какое-то абсолютно свое мнение, и переубедить его было невозможно... Вот он как решил – так оно и будет! По крайней мере, так мне тогда казалось.

Он не был душкой, сложный характер имел. Сказать, что он был весь со всех сторон положительный, нельзя. Были, наверное, какие-то свои недостатки, но сейчас даже как-то трудно судить о том. Обычно по истечении времени начинаешь идеализировать человека...

На игре его характер тоже отражался. Бывало, жадничал, конечно. Как оно всегда бывает с индивидуально одаренными ребятами. Тем более понятно, у него были лидерские качества, не то чтобы явно выраженные, такие, что сразу человека можно поставить – вот это капитан, но он абсолютно не боялся, например, брать игру на себя. Хотя где-то, как обычно бывает у индивидуально способных парней, перебирал в этом плане. Например, получив плохой пас в хорошей позиции, сразу мог отвесить: «Что ты там, руки-крюки!» или что-то в этом роде. Ведь он сам всегда старался идеальный пас выдать и требовал от других того же, чтобы ему конфетку выложили. Особенно младшему брату доставалось от него по этому поводу, он его все время душил за всякие такие промахи в игре: пас не туда дал, это невпопад сделал...»

Игорь Капустин:

«Отношения у нас с братом всегда нормальными были. Хорошими. Добрыми. Какими и должны быть. Как мне вообще кажется.

Разница в возрасте была не очень маленькая и не очень большая – четыре года.

Каких-то раздоров, каких-то мелких стычек или ссор между нами вообще не припомню. Характерами, наверное, различались, но главное – по манере игры мы совсем разные. Брат – рослый и атлетичный, а я – совсем невысокий и худощавый.

Сергея как старший брат подсказывал, когда, что и как мне делать на тренировках, в играх. Всегда по делу и без сюсюканья. Я прислушивался, старался использовать эти советы. Конечно, как младший брат я помногу смотрел за тем, как Сергей катается и какие решения принимает, как в пас играет, когда бросает, как силовые единоборства ведет... Но подражать напрямую ему я просто не мог: совсем разные габариты у нас, да и все разное было в наших манерах игры. Главное – что он твердил мне: «Играй на своих сильных качествах! Используй это по полной!»

Такого, чтобы придирился на каждом шагу, не помню. И все-таки я пытался черпать полезное для себя, пристально наблюдая за братом. Все равно кое-что перенимал, особенно в плане тактических решений.

На лицо мы были более или менее похожи – ну как братья.

Но Сергей владел силовой обводкой, мощно катил, защитники от него просто-напросто отскакивали. А у меня расчет был на маневренность, резкость, тактическую хитрость.

Брата щедро одарила природа. Но и не скажу, что меня обделила. Иначе где бы я был в хоккее со своими ста шестьюдесятью восьмью сантиметрами. А так, как ни крути, я в «Крыльях» и в «Спартаке» в сильных тройках выходил – с Тюменевым и Ромашиным, с Тюменевым и Кожевниковым, во вторую сборную много лет привлекали меня.

Между прочим, брат сперва не выделялся росточком. Зато за одно лето вымахал аж на одиннадцать сантиметров. Точно не скажу, когда, в шестом или седьмом классе это было.

Ну и сразу это дало ему дополнительные возможности в хоккее...»

Александр Володин:

«Я всегда считал, что Сергей – это человек по таланту совершенно другого уровня, четко это понимал. И потом, это был человек, который фанатично любит хоккей. Не то, что он пытался как-то быстрее попасть в команду мастеров, нет, он спокойно рос, двигался прямо, без всяких зигзагов, слава богу, и травмы обходили стороной его в то время. Я уже в то время несколько операций имел, а он без травм. Спокойно рос, без тщеславия какого-то, делал свое дело, как положено. Ну и оно само пришло, дорос.

...Я отлично помню, как в детской спортивной школе Сергея из младшей группы перевели к нам, а до этого мы вместе катались на застывших лужах в старой части Ухты, я прекрасно отдавал себе отчет, кто такой Сергей. И в то время я уже понял, я видел, что человек талантливый во всех отношениях, во всех. Для меня в первую голову интересен игрок, который может сыграть на любой позиции. Ну, кроме, естественно, рамки, хотя в рамку он, по-моему, ни разу не вставал. Тренер, конечно, заставлял разочек, чтобы понюхать, что такое шайба, но мы сторонились этого, потому что кто же будет шайбу ловить... Какой умный человек будет шайбу ловить?! Она же больно бьет.

Важно было Сергею общее понимание игры, общее понимание хоккея. Если человек понимал хоккей, читал игру, он мог сыграть на любой позиции. Хотя понятно, что он рвался только вперед, забивать шайбы, обыгрывать соперников.

Очень важным я считал технические способности хоккеиста – руки, катание, броски, дриблинг. Получается сочетание – человек читает, понимает игру и технически оснащен. Так вот, в Сергее не было изъянов. Мы с ним долго играли в детях, в юношах, в молодежке, очень много, несколько лет. С той поры оставались близкими друзьями».

Володин интересен тем, что какое-то время котирировался выше Капустина; интересен тем, что, попав раньше Капустина в «Нефтяник», вскоре вообще расстался с хоккеем и выбрал иное призвание, со спортом вообще не связанное; и, наконец, безумно интересны собственные суждения Володина о Капустине.

Александр Володин:

«Человек жил этим спортом. Все время и все силы отдавал. Хоккей, хоккей... Только хоккей. Но я что замечал – не было у него фанатизма. Рассудительно вел себя. Вот мы с ним вышли с утрачка, потренировались – пора и честь знать; пошли пообедали; потом в школу; после школы опять пошли тренироваться. Учился он безо всякой охоты, зато и не прогуливал уроки. Это обязанность была каждого пацана – каждый день посещать школу и учиться. У Сереги были проблемы с учебой, а мне, наоборот, и давалось легко, и интерес к некоторым предметам чувствовал. Зато в хоккее мы вроде как менялись ролями.

Еще что я замечал за ним – постепенно шел вверх, без сногшибательных скачков. И его этот неторопливый темп устраивал. Вроде никуда не спешил, а ведь наверняка мечтал о большом хоккее. Сейчас вот думаю: может, верил в свою звезду, никого не посвящая, и не суетился, не «фанател», шел выбранной дорогой, никуда не поспешая».

Вообще это интересная и весьма поучительная история – крепкая дружба Капустина с Володиным, их конкуренция за место под хоккейным солнцем. Дружба сохранилась на долгие годы, а в конкуренции верх взял тот, кто поначалу выглядел чуть скромнее.

Судя по высказываниям земляков Капустина, Сергей хоть и прибавлял в постижении хоккейного искусства, акселератором не являлся. И хорошо, что развивался постепенно, без резких скачков вверх. Естественность в том наблюдалась. И определенная стабильность присутствовала; такая капустинская неуклонность продвижения к высокой цели. А что до акселераторов, то они чаще всего впоследствии либо разочаровывают, не оправдывая щедро выданные им авансы, либо вовсе пропадают с радаров.

Александр Володин:

«Мы с Сергеем в младших классах в одной школе учились. Мои родители поменяли квартиру, и семья переехала в другой район; после четвертого класса я перешел в другую школу. Виделись-то все равно часто, на льду, разумеется.

И вот играем мы школа на школу – я против него. Капустин в своей команде лидер, я – в своей. Он – нападающий, я – защитник. Сражаемся.

И вот момент. Серый выкатывается на меня, начинает обводить, уже наполовину обыгрывает меня, и я уже на нем вишу, уже клюшку заблокировал; вроде все исполнил правильно и момент исчерпан; мы с ним, сцепившись накрепко вдвоем, улетаем в борт и ударяемся в закругленье; а я, пока туда катимся, влоборота смотрю – а шайба-то после его броска пересекает линию ворот. Гол! И Сережа мне говорит: «Сань, не ломай клюшку!» Я же блокирую его клюшку, продолжаю висеть на нем. И я со злости, на эмоциях, сломал другу закадычному клюшку. А клюшки тогда ох каким дефицитом были...

И до сих пор в моих ушах звенит – «Сань, не ломай клюшку!»

А я с досады из-за проигранного ему эпизода вот как поступил...»

Володинское изложение, само по себе яркое, поражает воображение. Это же свидетельство растущего капустинского дарования. Свидетельство «фамильного» стиля, как любил выражаться выдающийся тренер Анатолий Владимирович Тарасов.

Ведь как Серега объегорил Санька? На скорости стал уходить вправо, а тот ведь не лыком шит (опережал Капустина в темпах прогресса) – развернулся и приклеился к нему, повиснув на плечах и заблокировав клюшку. Ну все – каюк! Форвард нейтрализован. Форвард обезору-

жен. Любой форвард, но не Капустин. Как он исхитрился в таком беспомощном положении направить шайбу в ворота, да еще мимо вратаря?! И когда, в какой момент такое исполнил?

«Картина маслом» – любимое выражение следователя одесского уголовного розыска из телевизионного сериала «Ликвидация», которого блистательно играет Владимир Машков.

Серезка Капустин нарисовал свою «картину маслом»!

Игровой эпизод, о котором поведал Володин, сам по себе необычный. Оттого и столько эмоций вызвал у непосредственного участника того самого матча школьных команд. Этот эпизод отражал уже формировавшийся стиль Капустина – фамильное сочетание мощи и ловкости, смекалки и устремленности. По строгому счету даже одного такого впечатляющего эпизода хватило бы для прозорливого тренера, чтобы предсказать светлое хоккейное будущее ухтинца Серези Капустина.

Игорь Капустин:

«С Серезой никто в Ухте подолгу не работал.

В Ухте же не было такого строгого разделения на группы по годам рождения, по возрастам. Ковалевский вел сразу несколько возрастов. Но и он – не скажу, что много тренировал брата. Но когда Сереза чемпионом мира стал, речь зашла о том, кому давать звание заслуженного тренера СССР. Дали Ковалевскому.

А непосредственно перед попаданием в «Нефтяник» с братом возился Гурий Викторович Кузнецов. Очень, скажу, толковый тренер. Вот Гурий Викторович подвел брата к основному составу «Нефтяника».

А в «Нефтянике» Сереза только два сезона отыграл. Ухта в классе «Б» выступала, а во втором Серезином сезоне боролась за выход в класс «А». В полуфинальном турнире он получил приз как лучший бомбардир. А в финале тоже отыграл впечатляюще.

Из «Нефтяника» брат поехал сначала на просмотр в «Спартак» к Борису Александровичу Майорову. Серезу порекомендовал Валера Березовский – спартаковский воспитанник, играл тогда в Ухте. А уже в «Крылья Советов» брат поехал по рекомендации Ковалевского – тот вроде бы знаком был с Борисом Павловичем Кулагиным по совместной работе то ли в Барнауле, то ли в Оренбурге. Кулагин сразу определил: «Глина есть – фигура будет!»

Вот так Сереза сразу из класса «Б» попал в высшую лигу. И через три года стал чемпионом СССР, обладателем Кубка СССР и чемпионом мира».

Виктор Маклаков, игрок «Нефтяника» (Ухта) в 60–70 годах:

«Я 1946 года рождения. На семь лет старше Капустина. Но пути наши пересеклись в «Нефтянике». А видел Сергея еще до его прихода в команду мастеров.

Я был приглашен в «Нефтяник» города Ухты и прожил здесь девять лет. Сначала приютили меня на стадионе, а потом обжился – семья, жена, квартиру дали. Девять сезонов от звонка до звонка в Ухте отыграл.

При нашей команде была детская спортивная школа по хоккею, и там создали такую дружную юношескую, молодежную команду, в которой постепенно росли местные ребята – ухтинцы. Среди них был Сергей Капустин – из всех своих друзей-товарищей очень сильно выделялся напором и трудолюбием. Ухтинские морозы, снег – ему это было ничем. Как у него свободное время – берет коньки, клюшку и на детский стадион. Чуть ли не жил там! Пропадал на этом льду! В городе детский парк был, и там находилась детско-юношеская школа хоккейная.

А заправлял в школе Гурий Викторович Кузнецов. Тренер замечательный! Очень хорошо работал с подрастающим поколением. Из молодежной команды в «Нефтянике» появились Володин, Женихов, Минин, Гайнанов – вратарь, Саша Никитин. Как сейчас помню, мы этих парней стали привлекать в основной состав. В местной плеяде был и Сергей Капустин».

В таком городе, да с такими природными одаренностями, да с таким характером Сережа Капустин не мог не стать Сергеем КАПУСТИНЫМ.

* * *

Ухтинская хоккейная вольница взрастила Сергея Капустина, который с лихвой отблагодарил родной город, прославляя его везде и всегда, в каждом матче с каждым соперником, на родине и за ее пределами.

Эта самая вольница способствовала его неуклонному росту и раскрытию уникального природного дарования в сочетании с его устремленностью к высотам. Редчайшей красоты цветок распускается только в благоприятном, подходящем ему климате и только на определенных землях. Так происходило и с этим ухтинским самоцветом.

Что могло помешать? Кто мог все испортить?

Тренер. Только тренер, который возился с теми мальчишками, что азы игры усвоили на мостовых и в проездах Ухты, на замерзших лужах, как упомянул Володин. Только тренер, который занимался с молодежной командой.

Испортить мог муштрой в поведении и муштрой в хоккейных наставлениях. Ломкой через колено способен был погубить даже такого перспективного ухтинца, каким был Сережка Капустин. Не муштровал. Не ломал. Не давил ни в чем. В общем, сделал едва ли не главное, что требуется от детско-юношеского педагога, – не испортил, не погубил дарование.

И все мы благодарны за это Анатолию Даниловичу Ковалевскому.

Ковалевский получил звание заслуженного тренера за воспитание Сергея Капустина – чемпиона мира и чемпиона Олимпийских игр. Сергей назвал Ковалевского своим учителем в ту пору, когда занимался несколько лет в ухтинской секции в детском парке.

Однако, по свидетельствам хоккейных очевидцев, ключевую роль в карьере Капустина сыграл Гурий Викторович Кузнецов.

Кузнецов осуществил, пожалуй, главное – благополучную переправу из хоккея молодежного во взрослый.

Ту самую переправу, на которой слишком часто мы теряли и теряем таланты, которые тускнеют, превращаясь в середняков, а то и вовсе пропадают с горизонта.

Ту самую переправу, которая является наиболее сложным этапом для любого спортсмена-игровика.

Гурий Кузнецов блестяще справился с архисложной задачей, решение которой требует и педагогического такта, и человеческой интуиции, и тактической квалификации, и творческой жилки.

Александр Володин:

«Гурий Викторович! Тренер от бога!

Душевное спокойствие от него исходило. Лишнего слова Викторич не скажет. Он лучше промолчит, но не повторит свои же слова и пустого ничего не произнесет. Как-то так незаметно приучал нас, что говорил всего один раз. Не уловил – получи... В следующий раз будь любезен внимательно учителя слушать.

Сейчас вот я наблюдаю, как тренеры, вплоть до тренеров сборной, ведут себя: крик, шум на тренировке и все – через губу. Я понимаю, что жвачка нервы успокаивает, но противно же смотреть, как ее мнут беспрестанно...

Гурий Викторович!

Спокойно все объяснял и доходчиво очень. Если кого-то наказывал, то строго по делу. Например, меня с одной тренировки выгнал. Как получилось: я на тренировке чуть отвлекся, он объяснял что-то, а я тихо шутки-прибаутки отпускал. И сам не слушал, и другим не

давал, мешал, в общем. Как он заметил, не знаю. Только слышу: «Володин, вон с тренировки!» Шутки в сторону... Я, правда, отъехал к борту – с глаз долой, а сам думаю: ну как же могу уйти, как пропущу его указания? Постоял в сторонке минут десять, но с занятия не ушел. Ну как уйду? А как возвращаться? И Гурий Викторович тактично сделал вид, что вроде как и не заметил, что я не ушел. И я остался до конца тренировки, отработав в общей группе, как все.

Вот почему Викторыч перевел Сережку к нам? Сережка был на полгода младше, а в нашей старшей группе были люди и моего возраста, и на четыре года старше; и 52-го, и даже 48-го; ну такая пестрая компания была у нас. И Кузнецов бац – и перевел Капустина, который 53-го. Значит, разглядел в нем что-то!

Гурий Викторович! Порядочный. Образованный. Выдержанный.

А жена – красавица. Очень нам всем нравилась. Она беременна тогда была.

Очень тепло мы о Кузнецове вспоминаем. Ну все, кто прошел его школу, благодарны Гурию Викторовичу».

Смело полагаем – именно такой наставник был необходим ухтинскому самоцвету. Чтобы слов произносилось немного и каждое было весомо. Чтобы повышенных тонов не было, крика, суеты, ругани – тем более. Сергей и тогда в Ухте, и позже в Москве ощущал комфорт при более или менее спокойной работе над повышением мастерства – индивидуального и командного. Собственно, и Кулагин в «Крыльях Советов», а затем спустя три года в «Спартаке» не отличался суетой и руганью, а уж к своему любимцу тем более не мог применять методы кнута.

Александр Володин:

«Приближалась дата – пятидесятилетие Сергея Капустина. 2003 год. Я долго руководил хоккейным клубом ветеранов имени Сергея Капустина. И вот с приближением того юбилея мне пришла мысль – отыскать Гурия Викторовича. Сам-то он из Самары, туда и вернулся из Ухты. Я написал письмо самарскому губернатору: так, мол, и так, в вашей области проживает Г.В. Кузнецов, работал в такие-то годы в Ухте, его воспитанники выступали в таких-то командах, достаточно серьезных, а Сергей Капустин стал звездой советского спорта... прошу помочь с информацией о Кузнецове... прошу рассмотреть вопрос о поощрении прекрасного наставника хоккейного... И что-то ответа нет и нет. Раздобыл телефон губернаторский, нет, телефон самарского министра спорта. Звоню напрямую и представляюсь:

– Здравствуйте, Володин беспокоит.

– Да, да, получили ваше письмо. Простите, как ваше имя-отчество?

– Александр Михайлович.

– Александр Михайлович, а мы даже не знали, что в нашем крае такой тренер проживает, что Сергея Капустина он воспитал.

– Ну так я для этого и письмо вам написал. Теперь будете знать.

– Я задание дал – сейчас разыщем Кузнецова обязательно. Вы трубочку не вешайте, пожалуйста.

И я слышу его разговор с помощницей:

– Я просил, чтобы Кузнецова нашли. Что по этому вопросу?

– Да-да. Нашли Кузнецова. Он приболел. Дома он.

– Так. Скоренько мне, прямо сейчас – его телефон. Александр Михайлович, вы нам раскрыли глаза.

– Ну так вы поощрите достойного человека. Что, у вас в области много таких тренеров? Таких, как Кузнецов, вообще единицы в России...

Выдающегося педагогического таланта человек. Наставник молодежи великий, не побоюсь таких высокопарных слов».

...«Награда нашла своего героя».

Хвала Александру Михайловичу Володину, который пусть с запозданием, но хоть при жизни Кузнецова воздал должное Гурию Викторовичу.

Его следовало отметить высокой наградой и в годы капустинской карьеры, и после ее финиша; невероятно душевной вышла бы встреча Сергея Алексеевича с Гурием Викторовичем в конце 80-х – начале 90-х, когда Капустин с Кузнецовым не были слишком заняты...

Одного такого воспитанника, как Капустин, хватило бы для того, чтобы Кузнецова чувствовать всячески.

Вообще школьных учителей мы часто забываем, а потом кусаем себе локти.

Будем считать, что те страницы книги, которые заполнились благодарными, уважительными и восторженными воспоминаниями о Гурии Викторовиче, отчасти восстановят справедливость, воздадут должное Кузнецову, который справился с переправой Сергея Капустина на берег мужского профессионального хоккея.

Началу его профессиональной карьеры, двум неполным сезонам в местном «Нефтянике», будет посвящена целая глава, где мы снова повстречаем Кузнецова при весьма интересных обстоятельствах...

* * *

Игорь Капустин:

«Брат, если честно, так себе учился. Учился так, чтобы не доставали его замечаниями, чтобы не придирались. А я, наоборот, прилично справлялся. Я закончил школу-десятилетку, и у меня в аттестате ни одной тройки не было! По всем предметам поставили четверки, и две пятерки получил – по физкультуре и по английскому.

А Серега после восьмого класса из школы ушел и поступил в Ухтинский лесотехнический техникум. Если честно, чтобы попроще было, ну чтобы времени и сил больше на хоккей оставалось».

Все будущие звезды советского хоккея в общеобразовательной школе не выделялись успеваемостью, в отличниках не числились. Даже если в младших классах худо-бедно смотрелись за партой, то ближе к получению аттестата зрелости неминуемо сдавали свои позиции: учеба во второй школе – хоккейной – становилась первой по значимости и интересу, отнимая львиную долю времени, и все помыслы уже были связаны у парней только со спортом.

Однако то, что Сережа Капустин с прохладцей относился к географии и истории, арифметике и литературе и ко всем прочим предметам, не так уж и хорошо было, поскольку он не приобрел навыков к усидчивой и умственной работе. Оценки оценками, а навыки куда важней. И спустя долгие годы это аукнется ему не лучшим образом: завершив спортивную карьеру, он, знаменитый на весь мир хоккеист, поступит в Высшую школу тренеров, где отсутствие тех самых навыков к учебе скажется самым негативным образом...

Игорь Капустин:

«Брат ушел из лесотехнического техникума, когда в Москву переехал. Там уже, когда в «Крыльях Советов» зачислили в штат команды мастеров, Серега закончил вечернюю школу; в клубе еще несколько ребят учились в вечерней школе. Ну а потом он поступил в областной институт физкультуры в Малаховке, закончил его. А я в 75-м, когда мы с родителями переехали к Сереге поближе в Москву, поступил в центральный инфизкульт на Сиреневом бульваре, где была военная кафедра, – это на время учебы освобождало от службы в армии».

Нефтяник Капустин

В дни хоккейных матчей улицы и площади Ухты не отличались многолюдьем, многолюдье наблюдалось только в одном месте – на стадионе с залитой ледовой коробкой и забитыми под завязку трибунами. Накануне сражения «Нефтяника», в день сражения и целый день после него для мужского населения не существовало более животрепещущей темы для горячей дискуссии, иногда и под что-нибудь горячительное, чем очередная игра любимой команды.

Влюбленный по уши в хоккей, играющий в хоккей с утра до вечера с вынужденным перерывом на обязательную школу, живущий в таком рабоче-хоккейном городе юный Сережа Капустин, естественно, видел себя в скором времени облаченным в форму «Нефтяника». И тогда народ уже будет обсуждать его, Капустина, игру, а может статься, что граждане начнут ходить «на Капустина».

«Нефтяник» являлся верхом его устремлений. Это означало переправу в мастера, в «профессионалы» (запрещенное в те годы слово), которые могут себе позволить не только тренироваться и состязаться, а еще за такое счастье и денежки получать законным образом. Мечтал ли он о далеких далях с вершинами на горизонте? Ну если только сугубо абстрактно. Так, скорее всего, было. Для начала надо было стать солдатом хоккейного войска, а уж потом мечтать о генеральской папаше.

Если бы шестнадцати-семнадцатилетнему Сереже Капустину кто-нибудь сказал, что будет играть в «Нефтянике», он бы поверил. Верил же в себя безоглядно.

Если бы шестнадцати-семнадцатилетнему Сереже Капустину кто-нибудь пообещал, что в «Нефтянике» будет выкатываться в центр площадки вместе с партнером Валерия Харламова по молодежной команде ЦСКА, вряд ли поверил бы. Это уж слишком было.

А если бы кандидату на попадание в «основу» местного «Нефтяника» Сергею Капустину кто-нибудь напророчил, что он, ухтинец Капустин, будет буквально через считанные годы выступать в сборной СССР вместе с Валерием Харламовым и еще через три года являться одноклубником народного любимца, он, ухтинец Капустин, среагировал бы так: «Да брось несусветицу нести!»

Однако именно так и произошло.

После зачисления в штатное расписание клуба «Нефтяник» (Ухта) Сергей Капустин тренировался и выступал с Валерием Лопиным, который провел все годы учебы в школе ЦСКА с Валерием Харламовым. А после двух сезонов в «Нефтянике» все в карьере Капустина было так, как он, ухтинский пацан, мог видеть разве что в своих хоккейных сновидениях. Сборная СССР. Харламов. Чемпионаты мира. Олимпиада. А кое-что и в его мечтах не присутствовало – Кубок Канады в 76-м, Кубок Вызова в 79-м, Кубок Канады в 81-м; Суперсерии сборной и клуба против клубов НХЛ.

Впрочем, полной уверенности в таких его снах и мечтаниях отчего-то нет...

Александр Володин:

«Что было хорошо все-таки в «Нефтянике» – в нем играло большое количество ребят, которые прошли московскую школу, школу ЦСКА, «Спартак», «Динамо». Эти парни воспитывались в спортивном отношении фундаментально и по-современному. Кстати, из харламовской группы, группы 1948 года рождения цзэсковской школы, в Ухте сразу несколько человек выступали. Из той группы только один Валерка Харламов стрелнул, больше никто. И вот эти ребята отслужили армию в разных СКА, в разных городах, и приехали в Ухту».

Это для Сережки Капустина очень здорово было. Когда ты на поле с правильно обученным человеком, а не с каким-то самородком из деревни, который не знает правил построения

игры, то тебе и расти проще. И Серега прислушивался к таким хоккеистам, внимательно смотрел на все, все впитывал, словом, учился и прибавлял, прибавлял, прибавлял.

Чем еще хорош был «Нефтяник» для местного крайнего форварда Капустина? Тем, что никто не делал из него крайнего в случае неудач команды. К коренному ухтинцу, к своему воспитаннику, как ни крути, отношение было бережливое, доброе. И вдобавок благоприятствовало то, что команда сражалась в каждом матче, но сознавала, где примерно ее место в турнирной иерархии, каким по величине кружочком отмечена Ухта на хоккейной карте Советского Союза. Какого-то психологического прессинга в гонке за турнирные очки ухтинцы не испытывали, и это тоже было хорошо для спортивного совершенствования совсем еще молодого нефтяника Капустина.

В этом месте отмотаем ленту времени немного назад, примерно на полгода-год, и в оправданности такого поворота вы убедитесь наглядно.

Александр Володин:

«...Я отлично помню, как в детской спортивной школе Серегу из младшей группы перевели к нам, а до этого мы вместе катались на застывших лужах в старой части Ухты.

Я уже рассказывал, что Капустин продвигался вперед не семимильными шагами, зато непрерывно и без надрыва. Какое-то время я опережал его, в команду мастеров попал раньше него, однако я отдавал себе отчет в том, кто такой Серега. Уже понимал, что человек талантливый во всех спортивных составляющих.

...Играем «по молодежке» очень важный матч в Ухте, по-моему, против «Металлурга» новокузнецкого. Счет – 2:2, концовка матча.

Смотрю – Серега там о чем-то с тренером шепчется. С Кузнецовым Гурием Викторычем. У нас большинство, вбрасывание в зоне нападения. Серега выходит со мной в паре. Я так посмотрел на эту бодягу – почему без меня решаете такие вопросы? Ты кто?! Я тебя, Сережа, уважаю, но не лезь туда, куда тебя не просят. А я-то сам читаю игру и могу сыграть остро, и бросить я могу, и все что угодно могу сделать. На задней линии если выходит в паре со мной защитник, он ко мне на подыгрыши выпускается, на страховке находится, ну, всю черную работу он выполняет. А тут думаю: на фиг ты нужен сейчас в большинстве, мне его страховать, что ли? Бурчу себе под нос. То, се... Ну, не сильно доволен, конечно, я был.

Вышел Серега. А мы Кузню заперли в их зоне – шайбу гоняем, атакуем, бросаем. Смотрю, а он шайбочку, которую вдоль борта они пробрасывают, не выпускает, борт закрывает хорошо; он их игрок прихватывает там. И потом, что самое интересное, Сергей у синей линии слева располагается, а я справа всегда играл, хотя мне все равно, и какой-то из игроков ведет шайбу, из Кузни, собирается выбрасывать шайбу из своей зоны, а его прихватывает наш игрок, и что тому делать – ему надо шайбу выбрасывать, и он ее срочно выбрасывает повыше и куда подальше.

Серега что делает? Он вот так вот вдоль синей линии летит, параллельно льду, летит, клюшка в одной стороне, а он вот так вот руку выставил, ну как Яшин, и ловит шайбу!

Сейчас-то никто так в футболе не играет.

Вот так вот ловит, раз, перехватил ее, подработал, и она уже у него на крюке.

Я думаю: Серый – молодец, красавчик! И борт закрыл, и шайбу не выпускает.

И все две минуты он борт закрывал, как положено, как защитник. Сначала я пытался его страховать, а потом посмотрел – ничего делать не надо, играю в свою игру, на своем месте, а он все четко выполнял. Мы забиили в том большинстве шайбу – 3:2.

И тут ближе к концу матча у нас кого-то удалили, мы в меньшинстве остались, кузнечане поменяли вратаря, и мы еще забиили – 4:2.

Но у меня и сегодня перед глазами, как Серега летит, словно птица, за шайбой. Фантастика!

*Кто в те годы выпускал четырех нападающих при численном преимуществе? Да никто!
А Викторыч придумал такое.*

По большому счету я могу сказать, что на высшем уровне сегодня мало кому из класс-ных нападающих по силам выйти на позицию защитника в большинстве. Малкин и отчасти, только отчасти, Мозякин и Ковальчук.

А Серега, пацан, в конце 60-х годов такое в Ухте вытворял!

Я вроде как в хоккее что-то понимаю, но у меня и в мыслях не было, о чем он с Кузнецо-вым шепчется. Они замутили такое! У меня перед глазами это все стоит, как он отыграл четвертым нападающим и как он действительно летел, будто Яшин. Просто фантастика!»

За один только этот игровой эпизод следовало Капустина срочно переводить в мастера, в «Нефтяник», а Кузнецова поощрить ценным подарком.

Этот эпизод не зря вызвал бурный восторг Александра Володина, потому что явно сви-детельствовал о незаурядности его друга Сергея Капустина.

Более того, этот же эпизод высветил Александру, очень перспективному хоккеисту, то, насколько его спортивное будущее не сулит чего-то экстраординарного, когда рядом такое вытворяет Сергей.

Сергей покатил напористо и красиво, неудержимо покатил к высотам. Александр на удив-ление скоро – буквально и двух сезонов не отыграв в «Нефтянике»! – бесповоротно расстался с клюшкой и шайбой, решившись поступать в Ухтинский технологический институт на факуль-тет гражданского строительства, где конкурс заставлял абитуриентов серьезно готовиться к экзаменам. Володин напрягся, наверстал упущенное в школе из-за тренировок и матчей и поступил в высшее учебное заведение.

...Спустя годы их маршруты поразительным образом пересекутся вблизи московской кольцевой дороги: загородная база ЦСКА, где тогда служил рядовой Капустин, находилась в Архангельском, а центральный военный госпиталь имени Вишневого, где сержант Володин командовал хозяйственным взводом, – на окраине Красногорска; в пяти минутах езды или в получасе ходьбы друг от друга находились. Сергей предложил Александру: «Сань, хочешь в хоккеей – помогу устроить тебя в какой-нибудь СКА». На что получил ответ: «Серый, ну зачем мне хоккеей – у меня высшее образование, служу нормально, демобилизуюсь и вернусь к нор-мальной работе». А еще как-то Капустин подшутил: «Ты же сержант, а я рядовой. Так что можешь приказывать мне!»

Виктор Маклаков:

«Народ ухтинский – это что-то!

Когда я приехал в Ухту, там обычная коробка с двумя боковыми деревянными трибу-нами была. Так вот в любой мороз болельщики битком забивали стадион, болели неистово! Нигде такого больше не видел! Мы и в Подольске играли, в Загорске, во многих городах, но там послабей поддерживали свою команду, как-то размыто у них все было. А на играх «Нефтя-ника» вся Ухта поддерживала свою команду, весь город любил нас. И мы старались не рас-страивать болельщиков, стремились играть лучшие и лучшие, и народ шел на стадион, невзирая на суровые погодные условия!

Потом у руководства возникла идея нарастить трибуны вокруг коробки. Трибуны не очень высокие были, рядов десять-двенадцать, круто вверх шли. Конструкции металлические, надежные. Световое табло смонтировали. Так вот на каждый матч и новые трибуны запол-нялись битком – даже в жуткие морозы посещаемость постоянно была полная – четыре тысячи человек! Стояли, как после войны на «Динамо» в Москве.

В сильный мороз, кстати, играли в шесть периодов по десять минут, не отменяли матч. Пальцы рук, ног обморожены, сопля висят, гусиным жиром намажем нос – и на лед. А люди на трибунах стоят, не расходятся!

Помню, приехало московское «Динамо» на матч Кубка СССР. Юрзинова и Давыдова не было, но Стас Петухов был, Волков был, Орчаков был, Щеголев. Хоккей начинался в шесть часов, так вот в два-три часа дня люди приходили с лопатами, вычищали, столбили место. В четыре часа битком стадион!

Заливка льда тоже уникальная была – санки таскали с бочкой и трубой, воду туда наливали – и на веревочке фью-ю-ю-ю... чтобы ровненько было все. Бочка воды, труба, тряпка – и пошло дело! Заливочных машин никаких не было.

Потом машину все же купили – когда мы поднялись из класса «Б» в класс «А». Чтобы было понятно, это был переход из четвертого по значимости эшелона советского хоккея в третий. Но все равно продолжали играть на открытом стадионе. Дошло до того, что уже в 90-х, когда ухтинский «Технолог» вышел в Открытое первенство России (в то время второй эшелон отечественного хоккея. – Прим. авт.) и по положению должен был играть в крытом дворце, пришлось ему базироваться в Рыбинске.

Бывали случаи, начинали играть под открытым небом, и вдруг – снегопад. Думаете, отмена матча? Ничего подобного – пауза, лопатами и скребочками снег убирали и продолжали игру. Часто болельщики помогали расчищать. Так что не было такого, чтобы из-за снега останавливали встречу».

В тех суровых условиях, в той некомфортности, которую приходилось испытывать местным игрокам, безусловно, была и своя прелесть. Хоккей же канадцы изобрели для того, чтобы сражаться под открытым небом. Кстати, в Стране кленового листа немало регионов с настоящей зимой... Такая естественность ухтинского хоккея закаляла характер молодых мастеров, закалила и Сергея Капустина. Однако здесь так и не удосужились отстроить тогда арену с искусственным льдом – в отличие от многих городов в провинции, в отличие от того же восьмидесятилетнего Воскресенска в Московской области, – что явилось непростительной ошибкой и по существу заморозило развитие хоккея в городе и продвижение «Нефтяника» в верхние эшелоны отечественного хоккея.

* * *

Виктор Маклаков:

«Капустину повезло – он делал первые шаги в хоккее в тот момент, когда Ухта жила хоккеем, боготворила этот вид спорта.

В 1959 году в город приехал выпускник Московского института физкультуры Владимир Целищев. Я еще против него успел поиграть на первенство Москвы, он, по-моему, выступал за команду мясокомбината – сильная командочка, между прочим. Я помню его, высокий такой. Вот он первый приехал в Ухту хоккей здесь поднимать, показывал, как тренировки проводить. Вначале он стал тренером ухтинских молодых футболистов, а затем – хоккеистов. Он стал первым профессиональным тренером, создавшим настоящую хоккейную команду, в составе которой сам выступал в линии нападения. Это он увидел среди ухтинских подростков будущего любимца местных болельщиков – вратаря Колю Лю, Александра Семенова, Николая Лушкова и других. Благодаря их усилиям команда не только стала чемпионом республики, но и смогла выйти в розыгрыши первенства РСФСР, а затем и СССР по классу «Б».

Хоккей в 1960-е годы привлекал огромные массы ухтинцев. В любые морозы стадион «Нефтяник» был переполнен болельщиками. Местные мальчишки мечтали попасть в состав «Нефтяника». И Серега не был исключением. У них перед глазами был пример Коли Лю – он первым из ухтинских хоккеистов пробился в высший свет, принимал участие в первом сборе вратарей высшей, первой и второй лиг первенства СССР, первой и второй сборных команд Советского Союза и молодежной сборной под руководством знаменитых советских тренеров Григория Мкртычана и Анатолия Тарасова. Уверенную игру Николая оценил опытней-

ший наставник воскресенского «Химика» Николай Эпштейн, пригласивший его в подмосковную команду. Лю согласился, отыграл за «Химик» несколько сезонов, вернулся в Ухту и еще долгие годы служил верой и правдой ухтинскому хоккею, вместе с Цхадая создал первую в республике женскую хоккейную команду, с упорством добивался решения о строительстве в Ухте ледового дворца спорта. Николай успел в самом начале побывать на месте строительства объекта его мечты. Жаль, немного не дожил до его открытия».

* * *

Виктор Маклаков:

«Когда меня позвали в Ухту, я, как любой хоккеист, узнал о материальных условиях в «Нефтянике», о вариантах с жильем. Полученная информация устроила, и я поехал в этот замечательный северный край. И никогда потом не жалел о своем выборе. Девять сезонов, считайте, почти всю карьеру там провел.

Ставки у игроков «основы» довольно приличные были. А вот кто сколько точно получает, в команде, в общем-то... не знали. Не знали! Потому что зарплата зависела от той организации, куда тебя прикрепляли, где тебя оформляли на конкретную должность. Я попал в СМУ-3 (строительно-монтажное управление. – Прим. авт.), а там начальник был большим любителем хоккея, и мне вместо двухсот пятидесяти рублей платили триста. А оформили меня слесарем. Вот так. А другой начальник, предположим, спорт вообще не любил, а тут еще какого-то хоккеиста ему навязали, и плати ему зарплату... Мой одноклубник мог и меньше меня получать; мог и больше. Предположим, везешь начальнику пригласительный билет на матч «Нефтяника»: «Завтра хоккей – приходите, пожалуйста». И в ответ: «Спасибо. Обязательно приду». А другому начальнику привезешь и услышишь: «Да на черта мне твой хоккей сдался!»

Зато премиальные по общим правилам выдавали. Как в команде устанавливали, так и распределяли. Кто больше в запасе просидел пятнадцать рублей за победу, а кто шайбы забрасывал или острые пасы отдавал, кто в меньшинстве выручал, тому четвертной. Еще, конечно же, обговаривалось, что размер премии зависел от того, сильную команду победили, середнячка или аутсайдера. Добавляли к среднему уровню премиальных. До тридцати рублей доходило, если не ошибаюсь.

Но никогда в «Нефтянике» никого не обманывали. Все обязательства выполнялись. И никаких свар из-за денег между хоккеистами не возникало. Коллектив подобрался сплоченный. Иначе я девять сезонов подряд не отыграл бы в Ухте.

Капустина деньги как-то особо не волновали. Сергей от радости светился, что его, такого молодого, в основной состав включили. Старался на тренировках, выкладывался в играх, прислушивался к старшим товарищам. Ко мне тоже уважительно относился».

Еще с ухтинской поры у Сергея никогда и ни с кем не возникало сложностей в общении. Ни когда сам молодым был, ни в зените карьеры, ни ближе к ее финишу. Его повсюду уважали, потому что было за что. Ему все симпатизировали, потому что не симпатизировать ему было попросту невозможно.

Виктор Маклаков:

«В местной детской спортивной школе Гурий Викторович Кузнецов собрал детей и тренировал их какое-то время, а потом уехал. Очень, скажу, сильный тренер. И когда его ребята подросли и возмужали, мы этих ребят стали подключать в нашу команду мастеров. Потихоньку привлекали в основной состав, а помимо них в хоккейной школе детей было очень много.

Первое время им было тяжело, вообще всем. Все-таки к мужикам пацаны попали, и тяжело им приходилось. Первое время мы их никуда особенно не привлекали, в пекло, на матчи не бросали. Чтобы не надломить юнцов.

Сергей выделялся. Фигура! Один из лучших!

В центре никогда не играл, всегда крайним был. Мне что бросалось в глаза? Стремление такое – везде только вперед, вперед к победе. Вообще не любил проигрывать. Не переносил это.

На тренировках играем в футбол, баскетбол, ручной мяч, ну и хоккей – и он везде был на виду, у него игровых качеств было полно. И не мог быть плохим, хуже кого-то, он должен был только лучшим быть. Лидером считается. Лидером и победителем.

А какую мощь имел, какую хоккейную скорость! Еще упорством выделялся. Когда мы взяли его первый раз на полный подготовительный период, на предсезонку, Сергей прошел весь цикл на равных с мужиками. И там тоже был впереди нас всех. И в кроссе бежит впереди, и в любой игре выделяется. Упорный и старательный, каких я не встречал!

А какие пасы отдавал – закачаешься! Правда, с ним играл Витька Шарков – центральный нападающий; тоже такой парень грамотный – распасовывал, вел игру в тройке; у них так удачно все получалось.

И вот после того, как Капустин прошел весь сбор с «основой», он сразу влился в состав – и дальше его карьера пошла вверх.

Это был у него последний сезон в Ухте. Я с ним один полный сезон непосредственно поиграл. А до того мы его потихоньку подпускали и, выходит, ничего не испортили; тогда как-то незаметно Сергей половину-то матчей провел.

И в том единственном полном сезоне Сергей Капустин стал ведущим игроком».

В сезоне 1970/71 молодой дебютант профессионального хоккея забросил 31 шайбу (27 + 4 в финальном турнире) – больше всех в «Нефтянике»! А «Нефтяник», между прочим, выступал в состязаниях довольно высокого уровня; из того хоккейного пласта вышли известные мастера, которые потом украшали составы московских клубов.

Практически одного (полного) сезона в мужской хоккейной компании хватило Капустину для того, чтобы созреть для штурма иных высот.

О том, что Капустин-старший доберется до вершин, никто в Ухте определенно не говорил.

Виктор Маклаков:

«Сэр Капустин».

Так я его прозвал. Из уважения к его характеру и его таланту.

А вообще ребята его иногда звали Кэпс. Ну, это – от фамилии. Чтоб покороче было. Но не скажу, чтоб часто Кэпсом называли».

Очень это оригинальное и весомое прозвище. Ведущий форвард «Нефтяника», матерый Виктор Маклаков, присвоил безумному Сергею Капустину статус на аглицкий манер. То был высокий хоккейный чин, который не приспособлен к употреблению в хоккейном коллективе. Не станешь в игре так его называть: два слова же, да еще одно нерусское. Но весьма любопытно и показательно, что в течение первого и единственного сезона в Ухте авторитетный игрок Маклаков нефтяника Капустина иногда уважительно называл «Сэр Капустин».

Виктор Маклаков:

«Когда Капустин в нашу команду уже влился, в основном составе твердое место занял, он придумал то, что мы, опытные игроки, заметили и взяли на вооружение. У нас у всех клюшки были деревянные и прямые, мы рубанком их шлифовали и облегчали. А Сергей до чего додумался: я прихожу в раздевалку как-то, смотрю – клюшка торчит, привязанная к батарее. Так он делал себе загиб на крюке, какой лично ему удобен был. А мы до этого клюшечку

почистим, угол подточим, облегчим и все. А Сергей клюшку намочит и ставит на ночь к батарее, утром приходит – она уже по «спецаказу» готовая. Вот такое капустинское ноу-хау. Мы тоже стали так делать.

В том сезоне в «Нефтянике» Капустин играл очень здорово. Катание такое размашистое, мощь, скоростина – как танк все сметал на своем пути; руки мягкие, то, что надо; поляну видел прекрасно; пас партнеру всегда готов был отдать – удобный и своевременный; с альметовской точки как бросит – в дальний угол получи, вратарь. Капустин – прирожденный просто игрок!

Единственное, что я замечал, – это его непростой все-таки характер. Сергей мог где-то на партнера обидеться, но только в игре. Не то что заносчивым был... Серчал по делу: «Что ты нас мне не дал?!» Или: «Что не открылся?!» В таком духе. Претензии по делу, по игре предъявлял. Прав был, конечно, но слишком уж эмоционально это выражал. И где-то такая несдержанность могла и сказаться на его игре, ну на какое-то короткое время. Зато после матча Сергей – сама доброта. А еще немногословным был. К нам, старшим товарищам, прислушивался, никогда не грубил, без капризов и без заносчивости вел себя.

«Чемергес» – так мы в Ухте называли крепкий алкоголь. Откуда взялось такое словечко, не знаю. (Напитки на основе технического спирта или очищающих жидкостей. Употреблявшие регулярно отличались баклажанным цветом лица и короткой продолжительностью жизни. – Прим. авт.) В «Нефтянике» нормальная атмосфера была в коллективе; каких-то серьезных проблем со спортивным режимом не было. А Сергей, тот вообще не притрагивался к «Чемергесу». (Маклаков имеет в виду алкоголь, продававшийся в магазине. – Прим. авт.)».

Сезон нефтяника Капустина сослужил ему добрую службу. Все, что мог, впитал и усвоил. Расправил плечи и встал на ноги не то чтобы широко и крепко, зато достаточно для того, чтобы, не тушуясь, приступить к штурму хоккейной Москвы.

Виктор Маклаков:

«Мы, опытные хоккеисты «Нефтяника», понимали, что этого парня ждет хорошее будущее. Но и не сказал бы, что были уверены в том, что звездой станет. Один только полный сезон здесь выступал. В городе все уже были наслышаны про то, что Капустина Москва забирала. Болельщики вовсю эти новости обсуждали. Мы его по-доброму напутствовали перед отъездом в столицу. Но никаких «отходных» не было, конечно; он же совсем молодым уезжал.

Ну а потом мы очень внимательно следили за тем, как у Капустина складывалось в «Крыльях Советов», в сборной. Переживали за него похлеще самых заядлых ухтинских болельщиков...»

Александр Володин:

«Еще в Ухте Капустин прибавлял во всем. Лучшее становилось катание, более накачанным становилось с его фирменным широким шагом, с капустинской амплитудой, которая увеличивалась и увеличивалась. И с каждым годом на моих глазах прибавлял и прибавлял. Руки еще мягче и ловчей становились. Бросок с кистей оттачивал по силе и по точности. И в чтении игры был все лучше и лучше.

Ну буквально во всем росло Серезино мастерство!..»

* * *

В 1971 году коренной ухтинец Сергей Капустин отправился покорять хоккейную столицу Советского Союза, одну из главных столиц мирового хоккея.

Отправился звездочкой, известной только Ухте и окрестностям.

Как в русской сказке, то явилось перепутьем. Налево пойдешь – застынешь, оставшись тем, кто ты есть, и вернешься на север. Направо пойдешь – померкнешь, и вообще неизвестно, что с тобой станется. А напрямки двинешься – ослепишь всех вокруг красотой и силушкой своей былинной.

Сергей Алексеевич Капустин, по натуре своей прямой, как струна, никуда не стал сворачивать.

Прямая же завсегда короче любого извилистого маршрута...

Супер-3. Один в один

Слава. Популярность. Широкая известность. Они почетным эскортом сопровождают звезду спорта. Разным бывает этот воображаемый эскорт по количеству и качеству транспортных средств; особенно впечатляют эффектно экипированные мотоциклисты на «Харлеях», которые будто круглосуточно сопровождают звезд большого спорта.

У хоккейной звезды Сергея Капустина все как-то было обставлено скромно и сдержанно, словно в рамках жестко ограниченной сметы расходов, отведенной на такую роскошь. Словно являлся он главой карликового небогатого государства.

Нами, симпатизировавшими ему, воспринималось это болезненно; налицо была несправедливость, явная несправедливость в отношении Капустина. Недоданная порция славы – почему так происходило?

Причин тому не одна и не две.

Одно очевидно – пресса обходила его вниманием. Харламов, Мальцев, Якушев, Михайлов. Васильев, Петров, Третьяк, Балдерис... Частота их упоминаний в газетах и журналах зашкаливала. Сказал то-то, отыграл так-то. Капустин находился в центре событий и при этом на хоккейной авансцене отсутствовал.

Это – одна из граней «ПЛАНИДЫ СЕРГЕЯ КАПУСТИНА».

Феномена капустинской звездности.

Приведем суждения по этому поводу людей, которые болезненно воспринимали отсутствие Сергея в фокусе всеобщего внимания.

Александр Лубянецкий:

«К нам в Ухту как-то приехала команда ветеранов «Звезды России», был там Александр Павлович Рагулин. Матч показательный провели с местными ребятами, народу пришло очень много. Праздник удался. После матча, как водится, ужин устроили. Слово взял Александр Павлович, тост произнес: «Такие хоккеисты, как Сережа Капустин, рождаются в мире один раз в сто лет!»

И так отозвался о нашем земляке сам Рагулин – легенда нашего хоккея!

И я, хоть и не поиграл на очень высоком уровне, в команде высшей лиги, кое-что понимаю в хоккее и согласен полностью с Палычем.

Наш Капустин – звезда первой величины!

И я не возьму на себя смелость сравнивать Капустина с Харламовым или Мальцевым... Я просто ставлю их на одну доску.

Лично мое восприятие такое. И не потому, что Сережа земляк мой».

Александр Лубянецкий является патриотом Ухты, но без экзальтации. Крупный и такой степенный мужчина. Рассудительный. Его суждения имеют право на жизнь.

Игорь Капустин, напротив, дает волю эмоциям при воспоминаниях о старшем брате – родная же кровь; но Капустин-младший сам котировался достаточно высоко, во вторую сборную призывался многократно, в «Спартаке» выступал с Тюменевым и Кожевниковым (обоих Тихонов включал в состав национальной сборной), и это звено конкурировало в клубе с Шалимовым – Шепелевым – Капустиным-старшим. И потому к словам Игоря Алексеевича, остановившегося в шаге от высших титулов, тоже стоит прислушаться».

Игорь Капустин:

«Вот мы говорим о популярности моего брата, о том, что не был так популярен, как того заслуживал. Как были популярны Харламов с Мальцевым.

Популярность к кому приходит? Кто на виду, кто все время на виду... А на виду кто оказывается?

Мальцев мог один в один обыграть. Харламов накручивал дай боже. А Якушев на коротке редко кого один в один обводил, он больше, когда наберет скорость и раскатится, объезжал кого угодно. Малец, Харлам – они именно на обыгрыши шли. А Серега мой мог и обкатить, и обвести!»

Ай да брат! Ай да мастер хоккея! Насколько зорко все подметил.

Мы же у Игоря подметим, явно придираясь, маленькую и естественную неточность в формулировке последней фразы. «А Серега мой мог и обкатить, и обвести!»

Обкатить – тоже означает обвести, только на большем пространстве. Точнее сформулируем: «А Серега владел и длинной обводкой, и короткой!»

Вернемся, однако, к кумирам.

От Харламова и Мальцева трибуны буквально ходуном ходили!

Финт, обводка являлись для нашего тогдашнего болельщика верхом эстетики. Хитроумный финт форварда оставлял в дураках защитника и сразу же создавал предпосылку для результативной атаки. И для этого не требовалось большого пространства, каких-то дополнительных квадратных метров льда – как дополнительных «квадратов» при получении жилплощади особо заслуженными деятелями...

Обводка «на носовом платке» – наивысший пилотаж! Обводка за счет обката, на большой амплитуде, – «только» высший пилотаж! Строго говоря, сие достаточно спорно, ибо кому что нравится. Но мы же судим и рядим про Сергея Капустина, про недополученную им заслуженную популярность. И прикидываем так и сяк эмоциональную составляющую, визуальное восприятие трибун. Трибуны 70–80-х восторгались более всего харламовской или мальцевской обводкой.

Обкат в исполнении Капустина или Якушева свои имел преимущества, потому что оставлял защитника далеко позади себя, потому что догнать Сергея или Александра у того не было и малейшего шанса. Пожалуй, у Якушева это смотрелось изумительно пластично, зато у Капустина невероятно мощно и неотвратимо.

Александр Лубянецкий:

«Все-таки считаю Якушева звездой иного плана, чем Капустин. А так-то согласен с Игорем. Харламов, Мальцев, Капустин – ставлю их в один ряд. Считаю так с еще большей уверенностью после того, что высказал Игорь.»

«Сейчас-то вообще мало кто обыгрывает один в один. А кто пытается – тот же Гусев, те же Дацюк, Дадонов, – те и на виду.»

«А Серега мой мог и обвести, и обкатить!»

Однако тогда на круг выходит, что Сергей Капустин в эффектности превосходил самого Валерия Харламова и самого Александра Мальцева! И обязан был срывать оваций больше, чем Валерий Борисович, и больше, чем Александр Николаевич.

Однако ж этого так и не происходило!

И опять на нашем горизонте появляется капустинский феномен. Появляется то, что мы окрестили «Планидой Сергея Капустина».

Отгадка лежит на синеватой поверхности ледового овала: Капустин редко, очень редко использовал короткую обводку – при том, что владел ею безупречно; куда чаще он включал свой фамильный обыгрыш – мощнейший и идеально скоординированный «объезд» соперника как стоячего и выезд напрямки к чужим воротам. И по-игроцки был Капустин абсолютно прав! И был абсолютно... не прав по части приобретения массовой популярности. Если бы стремился к повальному обожанию зрителей, то старался бы «побывать на двух свадьбах» – лишний раз применяя дриблинг «на носовом платке». Запросто справился бы и с этим! Но это

был бы уже кто-нибудь иной, а не Сергей Алексеевич Капустин. Таких, как он, в нашем хоккее не было. По совокупности личностно-хоккейных качеств «второго Капустина» встречать не доводилось.

И отчего-то у авторов книги закрадывается пророческое чувство, что и не появится такой хоккеист в обозримом будущем...

Александр Лубянецкий:

«Сергей, помню, приехал в Ухту, когда уже в Москве обосновался и за «Крылья» играл. Ну и, видно, решил размяться, подвигаться – мы пошли, прихватив с собой Игоря, брата его, на лед, просто повозиться с шайбочкой. Естественно, что Сергей против нас с Игорем играл. Обводку показал потрясающую. Короткую обводку. Нанизывал нас только так! Обводил, обводил на маленьком участке. Никак шайбу не могли у него отнять. В матчах-то Сергей редко этим пользовался, предпочитал свою фирменную обводку – мощно стартовал и обходил кого угодно, вроде как и не замечая соперников. А тут в родной Ухте дорвался...»

Абсолютно неизвестный эпизод. Причем весьма показательный. В качестве активного отдыха (или, верней определить, забавы ради) Сергей играет один против двоих – брата, который помладше, и земляка, который на два года младше. Играет против нападающего и защитника. И не дает им шанса отобрать у него шайбу. Вот здесь-то Капустин и включает по полной программе свое владение обводкой накоротке! При таких обстоятельствах нелепо выглядел бы обкат на широком шаге брата или земляка...

При таких обстоятельствах, когда его команда состояла из одного человека – его самого! – Сергей не задумывался о партнерах, заботясь о них; свободен был абсолютно и творил что хотел и что мог. А мог, как выясняется, накрутить и на «носовом платке».

Вообще-то звездный игрок в таких развлекательных условиях отнюдь не всегда смотрится звездно; тем паче тогда, в Ухте, Капустину противостояли совсем не мальчишки для битья его финтами на ограниченном пространстве. Однако Сергей, напротив, во всем блеске продемонстрировал ту грань своего искусства, которая очень редко была видна в календарных матчах.

Наибольшее приближение к матчу – командная тренировка. Вроде там не разгуляешься, со свободой маневра там обычно туговато...

Алексей Касатонов, двукратный олимпийский чемпион, пятикратный чемпион мира:

«На тренировках ЦСКА Капустин вытворял такое, что я изумлялся. Я же защитник, и мне помногу приходилось против него играть при подготовке к матчу. Очень-очень сложно мне было. Капустин легко и мастерски обводил на ограниченном пространстве, на тренировках частенько этим пользовался. Обладал прекрасной короткой обводкой. Ну в играх предпочитал больше свое фирменное – размашистый обкат защитника...»

Дорогого стоит признание одного из сильнейших наших защитников 80-х. Оно явно свидетельствует – Сергей Капустин в совершенстве владел короткой обводкой.

Когда Капустина призвали в армию, он в ЦСКА застал еще тройку Михайлов – Петров – Харламов.

Борис Михайлов, двукратный олимпийский чемпион, девятикратный чемпион мира:

«Обводка ради обводки – такое ничего не стоит. Для команды пользы – ноль! Для чего нападающий старается обвести защитника? Для того, чтобы проскочить его, вылезти на ворота и забросить шайбу. Вот это ценнейшее качество у Сергея Капустина было. В том числе и поэтому я считал его классным форвардом.»

Коротко и ясно. Исчерпывающе.

Снова и снова возвращаемся к наболевшему, а именно к тому, что, имея Имя, Сергей Капустин не имел той популярности, которой, вне сомнений, заслуживал.

Благодаря ухтинцу Александру Лубянецкому и еще в большей степени брату Игорю мы, немало постаравшись, прояснили истоки недополученной славы. Они – в особенностях хоккейного стиля, в том, как именно использовал Сергей Капустин собственный и обширнейший хоккейный арсенал; они в особенностях его человеческой природы.

Популярность. Слава. Звонкость имени... Модное сейчас словечко «раскрутка» объясняет восхождение на Олимп звезд шоу-бизнеса; в хоккее никуда не спрячешься, здесь «под фанеру» не играют, однако раскрутка спортсмена тоже имеет значение. Прежде, в Советском Союзе, отсутствовали пиар-агентства и социальные сети. При этом в недалеком прошлом, в годы капустинской карьеры, средства массовой информации обладали могучим воздействием на народные массы. Ну разве сегодняшняя газета «Спорт-Экспресс» сопоставима с тогдашним «Советским спортом» по тиражу и по влиянию на болельщицкую аудиторию? И близко не сопоставима. И даже всемогущий интернет не конкурирует с еженедельником «Футбол – Хоккей», который доставляли в киоски к 6:30 утра, – взрослые дяди, забывавшие поставить будильник, рисковали остаться с носом.

Один из авторов книги регулярно публиковался в «Футбол-Хоккее». Когда им было предложено развернутое интервью с Сергеем Капустиным в рубрику «Об игре, товарищах и о себе», редакция одобрила кандидатуру, однако сделала это без восторга: мол, ну хорошо, заслуживает, надеемся, будет интересно написано... встречайтесь, делайте без спешки... разместим, когда место свободное появится... Интерес возник, но без ажиотажа: «Давай, старик, делай поскорей – как сдашь материал, так сразу и разместим в ближайшем номере!..»

Общение с Сергеем оставило самые приятные воспоминания. Доброжелательность и скромность, полное отсутствие бахвальства и намеков на звездную болезнь. На предложение показать ему текст перед сдачей в редакцию ответил: «Да ни к чему это. Доверяю вам». Никаких претензий к самой публикации не высказал. Так, после матча пересеклись за кулисами, и Капустин, улыбнувшись, сказал: «Да все путем. Спасибо вам».

Самым удачным в той публикации был заголовок, что по законам журналистики предельно важно: «ВСЕГДА НА ВИДУ И НЕМНОГО В ТЕНИ».

И сегодня, по истечении стольких лет, точнее про Сергея Алексеевича Капустина и не скажешь...

Игорь Капустин:

«Брат вообще не любил... как бы правильной сказать... публичности. Не лез куда-то вперед. Интервью? Да я особо и не припомню, чтобы он раздавал интервью кроме того, которое вышло в «Футбол – Хоккее». А другие только и ждали, когда к ним корреспонденты подбегут... И получалось, что им и славы доставалось побольше. А по игре они уступали Сереге. Еще как уступали.»

Уж на что мне-то было далеко до брата, а один раз мое фото появилось на обложке «Футбол – Хоккея». Это когда я наколотил десять шайб и меня признали лучшим хоккеистом месяца. А чтобы Серега появился на первой странице газеты, я что-то не припомню...»

Александр Лубянецкий:

«Я солидарен с Игорем. Сергей не любил фотографироваться. Даже не для прессы, а так, в житейской обстановке. Ну вот почему мало снимков с Сергеем осталось? До обидного мало. Потому что, так думаю, очень не любил светиться. Да если и соглашался попасть в объектив, то обязательно находился не в центре, а где-нибудь в сторонке.»

Владимир Крикунов:

«Капустин как бы подчинял себя звену... Но у нас тогда вообще шел крен на все коллективное, даже иногда с перебором. Ты что, возомнил себя звездой?! Начинили сразу попрекать... Возьмет кто-то, тащит один шайбу и нас не отдает – ты что, звезда, что ли, что ты таскаешь все? Тут еще от воспитания в обществе, еще от личного воспитания зависит. Упор на коллективизм и в действия хоккеистов вошел настолько, что на игре отражался. И на Серезиной игре в том числе.

Я сам кирово-чепецкий. К капустинским краям поближе. Сергей тоже был из глубинки. В глубинке и народ другой, все сразу отмечают, что москвичи – это москвичи, а там у людей нет второго дна, они как есть, так и говорят».

Смело предположим, что и операторы телетрансляций повышенной активности не проявляли, выискивая Сергея Капустина, чтобы дать его крупным планом. При всех возможностях солировать делал он это изредка, играя на партнеров прежде всего. Был фантастически полезен для клуба и сборной, но при этом, словно нарочно, избегал пребывания на виду. Суперзвезда Капустин делал все, чтобы оставаться в тени. А телевидение во все времена влияло и влияет на популярность звезды большого спорта. Капустин и тут недополучил положенного.

Планида, значит, такая была у Сергея Алексеевича.

Крылья Капустина

Такого парня следовало отправлять из Ухты в столицу нашей родины. Безотлагательно отправлять.

Перспективы восемнадцатилетнего Сережи Капустина бросались в глаза даже не искусственному в хоккейных тонкостях болельщику местного «Нефтяника».

Одного полного сезона такого парня, проведенного в команде мастеров, хватило с запасом для однозначного решения.

«Нефтяник» это, ясное дело, ослабляло, лишая на ближайшие сезоны грозного форварда; судьба коренного ухтинца Сережи Капустина все же была важнее, была дороже, чем узкоспортивные тренерские интересы, важнее и дороже местнического патриотизма. В конечном счете такой одаренный молодой человек, если сумеет пробиться на самые верха спортивные, прославит на всю страну, да на весь мир Ухту и окрестности, прославит республику Коми. И тогда патриотизм окажется совсем иного масштаба.

Однако принять очевидное решение о расставании с Сережей Капустиным оказалось делом куда более простым, чем претворить его в жизнь.

Куда командировать земляка, было яснее ясного: в Москву! Куда же еще, если там все главные клубы находятся, если там все звезды советского хоккея выступают, если там ведущие тренеры страны наставляют уму-разуму.

Ну а в какой клуб командировать, какому именно тренеру рекомендовать Капустина? Ясно, что с Именем, – так все они там знаменитости... ЦСКА? «Спартак»? «Динамо»? «Крылья Советов»? Где ставить командированному Капустину Сергею печать о прибытии-убытии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.